

A young man in a red bomber jacket and a young woman in a white dress are in an elevator. The man is holding a smartphone with a fairy sticker on the back, and they are looking at it together. The elevator walls are covered in red graffiti, including a heart and the word 'LOVE'.

Твой личный ПАЛАЧ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КИРА ХО

18+

Кира Хо

Твой личный палач

<https://litres.ru/74571153>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я Вадим, – вдруг говорит, поднимая ручку, и отдаёт мне. – Ты первокурсница, да?

– У меня на лице написано? – вмиг краснею.

– Не то чтобы. Просто ты очень напугана, да и раньше я тебя здесь не видел, – добавляет, вставая в полный рост и протягивая мне руку.

Внутри клубится странное чувство предвкушения и одновременно, как если бы моё нутро просто бомбило об опасности, но почему-то я игнорирую всё происходящее вокруг, захватывая в фокус только его зелёные глаза и уверенность, которую он излучает.

– Лена, – протягиваю руку в ответ, содрогаясь, когда пальцы касаются его кожи. – Приятно познакомиться.

– Два месяца и она с огромным удовольствием сделает, что захочу.

– Слабенько, – тянет Марк. – Играть так на полную. Двести косых и месяц.

А я?.. Мне и нескольких недель хватит.

Я стала предметом спора, но даже не подозревала об этом. Отдала ему свою душу и сердце, а взамен он разнёс меня на кусочки.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Думаю, мы подружимся	9
Глава 2. Первый шаг	14
Глава 3. Капкан захлопнулся	21
Глава 4. Покатаемся	27
Глава 5. Безумно красиво	33
Глава 6. Он офигенный	40
Глава 7. Начало положено	45
Глава 8. Чертовы буйволы	50
Глава 9. Можно я нарисую тебя?	55
Глава 10. Совершить глупость	61
Глава 11. Надо ли?	66
Глава 12. Завтра будет веселье	72
Глава 13. Самый лучший	77
Глава 14. Как пожелаешь, моя Фея	83
Глава 15. Срывает тормоза	90
Глава 16. Он идеальный	100
Глава 17. Метка территории	105
Глава 18. Роковая ошибка	112
Глава 19. Все сама увидишь	117
Глава 20. Едет крыша	123
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Кира Хо

Твой личный палач

Пролог

Вадим

– Оп, новое мясо завезли, – весело выдаю, прикуривая сигарету, и окидываю взглядом небольшую толпу первокурсников.

Универ, как и всегда кишит людьми. Часть из них по виду затрахана до невозможности, другие же с подобием удовольствия на лице, но в целом – никто из нас не хочет здесь находиться. За исключением нескольких придурков, которых буквально размазывает по учёбе.

– Они все выглядят так, словно их реально только что из загона выпустили, – фыркает Марк – мой друг – выдыхая столб дыма.

Встаёт рядом со мной, подпирая бёдрами капот моей Бехи, и продолжает сканировать пространство. Пожалуй, он единственный из нашей троицы на первое сентября выглядит подобающе: белая рубашка в цвет волос, тёмные джинсы. Но это не удивляет, ведь по большей части он почти всегда так и двигается. Один нюанс, который выделяет его сре-

ди ботаников – татуха на шее в виде колючей проволоки.

– А вон у той скоро инфаркт пиздякнет, – второй мой друг – Ян – указывает пальцем на какую-то деваху, которой по виду и правда нужен психолог, а после встаёт рядом с бесцветным.

– Ой, бля, давайте вспомним наших одноклассниц в прошлом году, – закатываю глаза. – Их вообще откачивать можно было.

– Ну кое-кто рот в рот с одной подышал, – подстёгивает Ян, давя косяка на Марка, и тут же отскакивает в сторону, когда он пытается ему двинуть.

Начинаю ржать, вспоминая, как та деваху ещё полгода бегала с матрасом за Марком, чтобы тот стал её парнем, а он – как истинный джентльмен – гасился.

– У меня даже где-то есть фотка её признания на твоём крыльце, – не перестаю ржать.

– Да просто она единственная, кто повелась на все его басни, – запыхавшись роняет Ян, останавливаясь возле меня, когда Марку надоедает за ним бегать.

– Ну, кстати, в свою защиту могу сказать, что первачки пошли слишком скромные и зашуганные, – фыркает Маркуша, проводя рукой по коротким белоснежным волосам.

– Да брось, херня всё это, – отмахиваюсь. – Просто ты не умеешь находить к ним подходы.

– О, бля, донжуан нашёлся, – усмехается Ян.

– Ну, знаешь ли, – вскидывая бровь, оборачиваюсь к нему.

– Не каждый решится трахать мачеху.

– Она мне не мачеха, – Сокола перекашивает при упоминании молодой любовницы его отца, а Марк с этого орёт чайкой.

– Я только сейчас понимаю, что из нас троих самый адекватный, – просмеявшись вставляет Марк. А когда мы оба смотрим на него, добавляет: – У этого мачеха, – тычет пальцем в Яна. – Ты вообще имеешь всё, что движется, даже секретаря ректората, – палец перенаправляется на меня. – Так что моя бешеная первачка не самое страшное.

– Зато нынешних одуванчиков точно никто не обработает, – хмыкает Сокол.

– Я больше не рискну, – Маркуша вскидывает руки ладонями вверх.

– Да проще простого, – ухмыляюсь, глядя на натурального блондина.

– Ты просрёшь ещё до того, как сможешь начать, – качает головой Ян, усмехаясь.

Практически одновременно вы втроём вновь оборачиваемся к нескольким кучкам перваков, которым кураторы вещают заезженную речь.

– Экономисты? Юристы? Управленцы? – перечисляет Ян.

Веду глазами по головам, выискивая самую забитую овцу. Просто чтобы доказать друзьям, что даже такие поведутся на хорошее отношение. Ну, или его видимость. Взгляд натывается на девчонку, которая на вид только из пещеры вы-

шла, но при этом дико похожа на фею Динь-Динь. Вся такая чистая: русые волосы в низком пучке, светлое легкое платье струится по тонкому телу и нет в нём ни капли намека на секс, а лицо светится счастьем. Настолько ахуенная, что слюна автоматически скапливается во рту, поэтому указываю на неё подбородком.

– Она.

Друзья прослеживают траекторию и несколько секунд осматривают девчонку, словно оценивают степень неприкосновенности. И только когда оба одобрительно кивают, я делаю ставку:

– Два месяца и она с огромным удовольствием раздвинет ноги.

– Не, ни хера, – хмыкает Ян. – За два и повариху можно склеить. Полтора.

– Слабенько, – тянет Марк. – Играть так на полную. Двести косых и месяц.

Теперь мы с Соколом поворачиваемся к нему, и если в моём взгляде на секунду промелькивает фраза: “ты долбаеб?”, то у Яна на роже светится: ”харо-о-о-ош”. Даже губы растягиваются в шакальской улыбке.

– Поддерживаю, – хмыкает Ян. Ему остаётся только довольно облизнуться для полноты картины.

А я?.. да похер. Мне и нескольких недель хватит.

Глава 1. Думаю, мы подружимся

Лена

– Мам, я уже опаздываю! – кричу по направлению к кухне, стоя в коридоре, а затем снова оборачиваюсь к зеркалу.

Волнительно до чёртиков! Первый день в универе! Я очень жду новых знакомств и этой студенческой атмосферы, о которой все говорят. А ещё... безумно рада, что мне удалось поступить на факультет мечты.

Сколько себя помню, любила рисовать и делала это, даже когда совсем не было настроения и теперь у меня отличная возможно посвятить этому остальную часть жизни. Очень рада, что мама поддержала меня этом, потому что, наверное, если бы она была против, то я бы сделала, как она просит.

Нет, матушка у меня не деспот и достаточно добрая женщина, но она – моя опора, поддержка и самый родной на свете человек, ведь других и не было. Отца я не знала, да и уже, если честно, не надо. Мне достаточно того, что мама убивается на нескольких работах, чтобы дать мне светлое будущее. Но и я не сижу без дела: летом работаю в полную силу, в учебное время подрабатываю. Правда, совершеннолетие было всего месяц назад, так что нормальную работу получится найти только сейчас.

– Бегу, – мама, наконец, вылетает из кухни и приближа-

ется ко мне со шпильками наперевес.

Встаёт позади, собирает мои волосы, убирая пряди с лица. Чувствую, как водит пальцами по коже головы, сгребая всё в один ровный, красивый пучок.

Я же тем временем скептически оглядываю себя и думаю, а не переодеть ли мне это платье. Я люблю его, на самом-то деле, но такое ощущение, будто оно слишком... просто для первого дня в университете.

– Мам, как я выгляжу? – спрашиваю, тихо не отводя взгляда от её силуэта в зеркале.

Матушка отрывает взгляд голубых глаз от моей причёски и также через зеркало смотрит на меня. Её лицо озаряет добрая улыбка, и даже морщинки, что собираются в уголках глаз и губ, не портят её. Наоборот, показывают, как много она вкладывает в свою жизнь. В меня.

– Ты выглядишь прекрасно Лен, – без тени сомнения отвечает. – И не вздумай переодеваться. Это платье идеально сочетается с цветом твоих волос, – добавляет, шикая, словно прочла мои мысли.

А затем возвращается к сбору моих волос. Я же продолжаю смотреть на неё. Так забавно выходит, что мы практически идентичны внешне, пока не согласишься в наши глаза. Мама всегда говорила, что мои карие в отца, и даже не морщилась при его упоминании. Он бросил нас ещё до моего рождения, но матушка не позволяла мне злиться на него, говоря, что он подарил ей самый драгоценный подарок – меня.

Я, честно, стараюсь не думать в плохом ключе о человеке, которого практически не знаю, но иногда всё же меня охватывает несвойственное мне раздражение. Просто... за маму обидно.

Когда сборы окончены, я подхватываю светлый кожаный рюкзак, который зачем-то забила канцелярией, будто уже сегодня собралась покорять всевозможные вершины высшего образования и чмокая маму в щеку, бегу на выход. Дорога от дома до универа займёт ещё минут сорок, а в первый день лучше не опаздывать. Как назло, автобус приезжает не сразу, заставляя меня волноваться. Дико. Сильно. Но как только он приезжает и я усаживаюсь у окна – мои нервы успокаиваются. Рука сама тянется к блокноту и карандашу в отдельном кармашке рюкзака и, чтобы хоть как-то занять время в дороге – открываю его, начиная рисовать.

От остановки до универа лечу на крыльях счастья, которые отваливаются, как только я вижу здание. Оно огромное, но я уже видела его, когда подавала документы, поэтому впечатляет меня не это. Меня добивает количество народа, а ещё тот факт, что я понятия не имею, куда идти. Замираю на месте, оглядываясь в поисках хоть каких-то опознавательных знаков, но выгляжу сейчас скорее не как счастливый первокурсник, а как та, кого только что выпустили из подвала.

– Тоже первачка, да? – слышится рядом взволнованный, но насмешливый женский голос.

Поворачиваюсь, натываясь ошарашенным взглядом на девушку. Чертовски красивую. У неё тёмные волосы средней длины, яркие, карие глаза и по лбу бежит бегущая строка, на которой написано: “зачем, мать вашу, я вообще сюда пришла”. Но в остальном... она излучает уверенность и судя по одежде не зря: белая широкая рубашка, край которой заправлен в чёрную юбку-волан, брендовая сумка, украшения. Да эта девушка явно не из среднего класса.

– Ага, – киваю, сглатывая вязкую слюну.

В горле от волнения пересохло, и теперь ощущение, будто я в пустыне, а не посреди оживлённой улицы в начале сентября.

– Я Оля, – представляется и сразу добавляет: – Какой факультет?

– Художественный, – отвечаю и только через несколько секунд, опомнившись, бегло добавляю: – Лена.

– О, так мы одноклассники, – наконец лицо Оли расправляется и на нём появляется капля спокойствия.

Сама не замечаю, как протяжно выдыхаю от осознания, что я не одинока. Нет, как бы оно и ясно, тут несколько сотен людей, в одиночестве я точно не останусь. Но вот это чувство, когда в новом месте ты знакомишься с кем-то, кто вроде как расположен к тебе, и ты понимаешь: всё самое классное в твоей жизни только начинается.

– Пошли, найдём хоть кого-нибудь, кто не в таком же шоке, как мы с тобой, – фыркает Оля, цепляясь рукой в мой

локоть, и утягивает за собой в толпу. – А то обеих сейчас инфаркт хватит.

Посмеиваюсь над её словами, окончательно отпуская на-
пряг. Она мне нравится. Бойкая. Думаю, мы подружимся.

Глава 2. Первый шаг

Лена

С горем пополам, но мы нашли куратора и свою группу, правда, до этого момента Оля выдала череду странных слов, которые, как впоследствии выяснилось, были нехорошими и на другом языке. Откуда он их знает, я даже уточнять не взялась.

После линейки нас всех – группу из тридцати человек затолкали в широкую аудиторию. Мне всё ещё сложно принять, что лекционные классы выглядят так: парты на всю ширину зала и уходящие вверх, как по лестнице.

Садимся с Олей рядом. Она не перестаёт рассказывать разные истории из своей жизни и в основном связанные с её семьёй, которая, судя по всему, достаточно большая. Ну а я... слушаю.

И мне действительно интересно.

– Слушай, а почему ты поступила на ХудФак? – вдруг спрашиваю, поворачиваясь к ней, пока в аудитории всё ещё стоит галдёж, и мы все по-прежнему ожидаем куратора, который обещал вернуться, но так и не сделал этого.

– Захотела, – пожимает плечами. – Всю жизнь посвятила рисованию и дальше решила идти по тому же пути. А что, не похожа на человека, со склонностями к творчеству? – весело

спрашивает прищуриваясь.

– О! Нет, что ты, – вспыхиваю от стыда, представляя, как мой вопрос звучал со стороны. – Просты ты... ну, эффективная очень. Я думала, с такими ресурсами идут в юристы там или в управление, – начинаю оправдываться, но это больше похоже на бубнёж.

– Да расслабься ты, – заливисто смеётся, убирая за ухо волосы с лица. – Да, ресурсы есть, но хочется заниматься тем, что по душе, а сидеть в душном офисе или кабинете в окружении таких же душных людей – удовольствие не из приятных.

Давлю улыбку, чтобы спрятать испанский стыд, который испытываю за свои слова, однако меня выручает вибрация парты, а затем маты, но уже на русском.

– Фак! Кто придумал такие неудобные туфли!

Мы с Олей почти одновременно переводим взгляд девушку, что садится рядом со мной. Я шокированный, Оли же смешинки пляшут в глазах.

– Приветик, – машет блондинка, потирающая бедро, что обтянуто узкими белыми джинсами. – Я Маша и я опоздун. Как обычно, в общем-то. По-моему, ещё не было ни одного раза, чтобы я не опоздала, – тараторит быстро, но весело, то и дело выдавая смешки.

От неё исходит такая энергетика счастья, что она невольно передаёт и нам. Я уверена, что Оле тоже, потому что она ощутимо расслабляется.

– Я Лена, – поднимаю ладонь и едва шевелю пальцами. – А это Оля, – указываю большим пальцем за плечо.

– Очень приятно, девочки, – тянет она, поправляя на себе короткий топ, поверх которого надета чёрная свободная и расстёгнутая рубашка.

Только открываю рот, чтобы спросить, почему Маша опоздала, как дверь аудитории открывается и внутрь заходит Павел Михайлович – наш куратор и, как мы все уже поняли – преподаватель архитектуры и дизайна.

Он спокойным, даже слегка рассеянным голосом начинает рассказывать о нашем расписании, о правилах и раз десять повторил, что наша группа сто одиннадцатая, делая упор на том, что я каждым курсом цифра будет меняться. То есть сто одиннадцать, двести двадцать два и так далее.

В какой-то момент на меня, от его монотонного голоса, нападает сонливость и когда я прикрываю глаза – получаю тычок в бок слева.

Подпрыгиваю на месте от неожиданности, вскидывая руки, и тут же слышу довольное:

– Вот и отлично, а то я уже подумал, что никто не хочет быть старостой, – вещает Павел Михайлович и смотрит на меня.

Что? Кто? Я?

Староста?!

Бросаю злобный взгляд на Олю, а так только довольно хихикает и Маша вместе с ней.

– Как ваше имя, – снова обращается ко мне мужчина.

– Щитенкова Елена, – запинаясь отвечаю.

– Отлично, Лена. На вашей совести создать чат группы и доносить до одноклассников всю важную информацию университета, а также от меня лично.

Киваю, как болванчик, пытаюсь собрать мысли в кучу, но меня будто по голове ударили и они просто разлетелись в разные стороны.

В итоге куратор уходит, а я с дрожащими руками иду туда, где стол он и практически писком говорю:

– Всем привет, я Лена и, видимо, теперь ещё староста группы.

Хочется зажмуриться, чтобы на меня не смотрело столько пар глаз одновременно, но что удивительно – они все добрые и предрасположенные. Нет насмешек и прочего, что обычно бывало в школе, когда такая моль, как я вставала перед всеми и пыталась доказать, что чего-то стоит.

– Так, беседа... – говорю сама себе и дрожащими достаю из рюкзака блокнот, выкладывая его на стол. – Давайте каждый подойдёт, напишет мне имя, фамилию и номер, а я вечером уже всех добавлю.

Прикусываю колпачок ручки в своих руках, задумываясь, а затем разворачиваюсь и пишу мелом на доске свой номер.

– Вот мой, запишите.

И все как по команде делают это. Без вопросов и споров, чтобы после этого подойти и записаться в мой блокнот.

И меня ни капли не шокировало, что в числе первых была Оля.

– Лен, тебя подождать? – спрашивает она, как только записывает свои последние цифры.

– Не, не жди. Я наберу тебе позже, – улыбаюсь, и улыбка становится только шире, когда в ответ я вижу такую же.

Дальше у меня просто рябит в глазах от количества лиц и номеров. Кто-то записывается молча, кто-то представляется, но в целом имена я не запоминаю. Только двое друзей мне хорошо запомнились, потому что всё время, что стояли возле стола, они шутили и препирались. Матвей и Слава. Хорошие ребята. Да и к тому же единственные, кто сказал, что к ним можно обращаться за помощью.

Когда аудитория пустеет, я, наконец, позволяю себе выдохнуть и пробежать глазами по списку ещё раз. Блин, вот угораздило же!

Растекаюсь по стулу, вытаскивая шпильки из волос, чешу кожу головы, получая нереальное наслаждение, а после беру смарт в руки.

Смотрю в экран, а там уже несколько сообщений по типу “привет ещё раз, я такой-то”. Ну и Оля с ухмыляющимися смайликами. Виновница бед моих...

Собираю шмот со стола и заталкиваю всё в рюкзак. Открываю диалог с Олей и, пока не сохранила номер, успеваю прочесть её фамилию – Королёва. То чувство, когда фамилия полностью соответствует человеку.

Только после этого добавляю её в контакты и, открывая дверь, пишу сообщение:

Я: Если ты думаешь, что тебе сойдёт это с рук, то ошибаешься. Ты будешь вместе со мной расхлёбывать всё это.

На мою радость, в ответ прилетает “ок”, и в этот же момент я врезаюсь в стену, потому что тупо не замечаю её. Всё содержимое рюкзака сыпется на пол, с таким грохотом, что, мне кажется, будто это кирпичи. А стена тем временем начинает разговаривать:

– Эй, Динь-Динь, не ушиблась? – низкий голос выводит из транса, а когда крепкие пальцы цепляют меня за подбородок, поднимая моё лицо, так и вовсе взбадриваюсь. – Ты как?

Передо мной стоит парень и смотрит таким взглядом, что под кожей растекается расплавленный металл. Его зелёные глаза в обрамлении густых ресниц и ровных бровей, сканируют моё лицо, словно он может вот так, ментально понять, цела ли я, а тёмные короткие пряди небрежно спадают на лоб. Но больше всего в глаза бросаются его острые скулы и красивые губы. Да он весь, в целом, просто офигенный.

– Я... да, всё нормально, – шепчу, вырываясь из его хватки, и опускаюсь, чтобы собрать всё, что рассыпалось, но застываю, как только парень садится напротив и начинает мне помогать. – Не нужно, я сама, – бормочу, ускоряясь.

– Брось, это ведь я виноват, – протягивает мне собранные в стопку несколько тетрадей и блокнот.

Забираю из его рук своё барахло и вновь залипаю на его

лице. А он, судя по всему, это понимает и на его губах расцветает ухмылка, оголяющая клык.

– Я Вадим, – вдруг говорит, поднимая ручку, и отдаёт мне.
– Ты первокурсница, да?

– У меня на лице написано? – вмиг краснею.

– Не то чтобы, – пожимает плечами и оглядывается, чтобы убедиться, что всё собрано. – Просто ты очень напугана, да и раньше я тебя здесь не видел, – добавляет, вставая в полный рост и протягивая мне руку.

Внутри клубится странное чувство предвкушения и одновременно, как если бы моё нутро просто бомбило об опасности, но почему-то я игнорирую всё происходящее вокруг, захватывая в фокус только его зелёные глаза и уверенность, которую он излучает.

– Лена, – протягиваю руку в ответ, содрогаясь, когда пальцы касаются его кожи. – Приятно познакомиться.

Глава 3. Капкан захлопнулся

Вадим

Смотрю вслед удаляющейся макушке, которая свалила так быстро, что я даже понять не успел и внутренне ликую оттого, как всё сладко-гладко получается.

Бля, да я ведь даже не старался, а она уже поплыла, как пломбир под июньским солнцем. Что же будет, если я начну действовать? Есть все же плюсы в целках – им многого не нужно. Максимум – внимание, улыбка и ощущение, будто тобой интересуются.

Смарт в кармане разрывается от входящего звонка, и мне даже не надо смотреть, чтобы понять, кого я там увижу. Поэтому на вызов отвечаю с уже растянутой в улыбке рожой.

– Как успехи? – хмыкает Ян.

– Ты следишь за мной? – усмехаюсь, делая шаг к двери аудитории и убирая одну из ручек Динь-Динь в карман джинс.

– Ты после линейки даже на первом курсе не оставался, очевидно же, что что-то твой гениальный мозг сгенерировал, – ржёт друг.

– Сделал маленький шаг и оказался примерно наполовину ближе к победе, – отвечаю, заходя в кабинет и оглядываясь, чтобы приметить что-то, что сможет мне помочь.

Просто это уже дело принципа. Мне нахер не сдались деньги этих долбоящеров, а вот доказать, что я могу – почему бы и нет.

– Имя сначала узнай, – подъезживает Ян.

– Уже. Сказать?

– А смысл? Я всё равно не запомню, и она для меня навечно останется блонди, чью целку сорвали взамен на шестьсот кусков.

– Шлюха была бы дешевле, – выдаю смешок.

– Определённо, но было бы не так весело, – вторит тем же тоном он.

Ян замолкает, и как раз в этот момент я вижу на доске номер. Предчувствие есть, но проверить надо. Хотя вероятность, что это может быть её номер, один к тридцати, но и я фартовый.

– Сокол, у тебя под рукой программа твоего бати? – бросаю, вставая напротив цифр, что выведены практически каллиграфическим почерком.

Такой может принадлежать или препода, или ботанику, или человеку с выраженным творческим потенциалом. В целом, второе и третье для меня – одно и то же, но зато я точно могу быть уверен, что это чьё-то из группы детей Пикассо.

– Какая именно? – интересуется Ян.

– Номер пробить, – и не дожидаясь, пока он ответит, начинаю диктовать цифры.

Удобно, когда отец твоего друга – начальник СБ по горо-

ду. В общем-то, я мог всё сделать и через своего батю, но по времени это было бы дольше, ведь у Яна есть золотая шка-тулка, о чём никто, кроме нас троих, не знает.

Повисает молчание, но мне как-то ровно: нет ни волне-ния, ни предвкушения. В этой феечке нет ничего особенно-го, что могло бы стать для меня триггером. Красивая? Да. Ебательная? Судя по тому, что я видел в платье – опреде-лённо. Но не более.

– Щитенкова Елена Витальевна, – спустя несколько минут раздаётся голос друга в трубке, а я победно улыбаюсь. – Это её цифры, да?

– Ага, – довольно отбиваю и переключаюсь на громкую связь, чтобы внести номер в контакты.

– Сука, я только что собственными руками подвинул бли-же к тебе свои бабки, – фыркает Ян и отключается.

Не сдерживаю смеха, пока убираю телефон с моей по-бедой в карман и практически плывущей походкой выхожу из аудитории, а затем и из универа. Салон Кайена встреча-ет прохладой и запахом цитруса. Включаю на стерео Nicki Minaj FTCU и расслабляюсь под бит, выкручивая “голову” на полную. Время приступить к фазе номер два – самое нелю-бимое моё занятие. Вбиваться в доверие.

Снова вытаскиваю смарт, открываю мессенджер и пере-хожу в, ещё пока, пустой диалог с Динь-Динь.

Я: Привет, ты кое-что забыла.

Пишу, а следом достаю из кармана ручку, фотографирую

её в своей руке и отправляю.

Минута и на месте одной галочки появляется две, а затем просто, сука, бесконечные точки вверху экрана. Есть ощущение, будто она мне переписывает “Войну и мир” в одном сообщении.

Динь-Динь: Привет. Откуда у тебя мой номер?

Усмехаюсь, представляя выражение на её лице, но так не хочется разочаровывать девочку, ещё вчера вышедшую из школы, а потому отвечаю:

Я: Если кто-то очень сильно нравится, то найти номер не составит труда.

И снова две галочки висят бесконечно долго. А потом ебанные три точки. Бесит.

Динь-Динь: Можешь оставить ручку себе, будет напоминанием, что тот кто-то, кто очень сильно нравится, находился рядом. Хоть и недолго.

А следом подмигивающий смайлик.

Сам не понимаю, как усмехаюсь на её выпад, но определённо мне нравятся её зубки.

Я: Давай встретимся? Сегодня.

Я: Обещаю быть порядочным мальчиком и привезти тебя домой к десяти.

В ответ молчание, хоть сообщения и прочитаны.

Я: Только кофе, честное слово.

И опять по третьему кругу, но в этот раз я уже не жду ответ: укладываю телефон на приборку, переключаю скорость

и срываюсь с места.

Дорога до дома занимает почти час, но, когда ворота открываются, я вижу, что машин нет – значит, предки ещё не вернулись. Оповещений на экране ноль. Что ж... ладно.

Выхожу из тачки, не забирая рюкзак, и иду в дом. Внутрь скидываю шмот, направляясь в кухню, но подпрыгиваю на месте, когда вижу внезапно выплывшую из-за угла Нину. Она домработница в родительском доме, но я бы её записал в наш с пацанами любимый клуб, потому что минет у неё просто отменный.

Не осуждайте. Когда по дому ходит цыпа, которой ещё и тридцати нет, при этом выглядит как модель Виктории Сикрет, то никто бы член в штанах не держал. Отвечаю. Даже если бы его не было.

– Привет, – расплывается в улыбке, поправляя светлые волосы.

– Привет, – вторю, наблюдая, как она наклоняется к нижней полке, с усердием что-то доставая оттуда.

– Как день? – спрашивает искусительница, подходя ближе и толкая мне в руки мою чашку-термос. Пустую.

– На кой хер она мне?

– Сегодня утром видела, как Марина Владимировна пыталась её выкинуть, – щебечет сладким голосом, наклоняя голову вбок.

– Я опять забыл её на входе, да? – усмехаюсь, глядя в декольте на её узкой футболке.

– Ага, – прикусывает нижнюю губу. – Поднимемся наверх? – делает контрольный шаг, укладывая ладонь на мою грудь.

От приятных воспоминаний в штанах тут же простреливает и, как только я открываю рот, чтобы ответить “пошли”, мой телефон издаёт пиздопротивный “пилик”.

– Сука... – выдыхаю, толкая обратно в Нину чашку, и достаю телефон.

Динь-Динь: Только кофе?

Я: Да.

Динь-Динь: Советская 37а, 2 подъезд.

Смотрю на время и прикидываю, сколько мне понадобится, чтобы всё же утащить Нину наверх, а затем печатаю ответ:

Я: Буду к семи.

Убираю смарт в карман, поднимая взгляд на девушку, что стоит передо мной, и хлопает глазами в непонимании. Протяжно выдыхаю.

– Пошли, – тяну к ней руку. – У нас есть час.

Глава 4. Покатаемся

Лена

– Боже, не надо было соглашаться, – практически истерю, бегая из угла в угол по своей спальне. – И адрес не надо было давать. Послушала, блин...

– Так, выдохни, – фыркает в трубке Оля по громкой связи. – Ты же сказала, что он красивый.

– Красивый, – резко останавливаясь киваю, прикусывая ноготь на большом пальце.

– Понравился тебе, – продолжает давить.

– Очень, – при воспоминании о пронзительных зелёных глазах дыхание сбивается, и ощущение, будто бабочки, которым положено быть в животе, сменили дислокацию на глотку.

– Тогда я не вижу смысла отказывать себе в удовольствии, – тянет она.

В этот же момент телефон издаёт звук, который говорит мне, что ещё немного и я сгорю от стыда. Делаю шаг к кровати, заглядываю в экран и когда читаю короткое “буду к семи” – издаю писк.

– Божечки, что случилось? – я не вижу, но уверена, что Оля закатила глаза.

– Он через два часа приедет, – давлю хрипом.

– Вот и отлично! Двигай в душ, мойся, брейся и выйди во

всеоружии.

– По-моему, ты отправляешь меня не кофе пить, – говорю со смешком.

– Никогда не знаешь, откуда прилетит, Щитенкова. Так что будь готова ко всему, – хохоча отвечает, затем добавляет: – Всё, давай, иди. Я жду фото, селфи, а после – звонок с подробными описаниями и диалогами.

– Может мне ещё на диктофон записать? – посмеиваюсь, скидывая с себя домашнюю футболку и шорты, а после подхватывая телефон, иду с ним и грязными вещами в ванную комнату.

– Только диалоги, – фыркает Оля. – Остальные подробности я слушать не хочу. Говоришь, мамы нет?

– У неё ночная сегодня, – хмыкаю, кидая вещи в корзину, и включаю воду, настраивая температуру.

Оля в ответ издаёт непонятный звук, но мне и не надо уточнять, чтобы сообразить, на что она намекает, ведь она делает это уже почти час. Как только Вадим написал мне самое первое сообщение, я подпрыгнула так, что думала, потолок головой пробью. Надо было хоть кому-то рассказать про встречу и эти сообщения. А потом он на кофе позвал, и целый час Оля уговаривала меня согласиться. Я и сама дико хотела и хочу, но что-то внутри меня вроде как против этой встречи. И ставлю всё, что у меня – это моя неуверенность в себе голос подала.

– Ты извращенка, – говорю, глядя в зеркало и пожимая

плечами.

– Я реалистка, крошка, – отвечает вполне серьёзно. – Забудь школу, тут парни явно не для прогулок под луной зовут увидеться.

– А вдруг он другой?

– Вполне возможно, – хихикает. – Если с другой планеты прилетел.

– Ой всё! – фыркаю со смехом. – Прекрати разрушать мои розовые облака.

– Всё, иди, благословляю, – важно вещает, а перед тем, как отключиться, бегло добавляет: – Но рассказа я жду.

Короткие гудки кажутся мне спасением, так что стоим им отключиться, я сразу шагаю в душевую. Горячий пар обволакивает мысли почти как облако, но это всё равно не помогает избавиться от страха, перемешанного с предвкушением.

Понимаю, что боюсь не его, а скорее самой ситуации, ведь это в первый раз, когда меня куда-то позвал парень, да ещё и сам. И сказал, что я понравилась ему. При воспоминании об этом сообщении, щёки вспыхивают, будто на костёр бензина брызнули.

Заканчиваю с душем, как мне кажется, достаточно быстро, однако взглянув на часы, понимаю, что провозилась в нём почти час, и ругаю саму себя, за такой педантичный подход к мытью. В конце концов, это просто кофе. Повод пообщаться и найти знакомства в новом для меня месте.

Да, он красивый. Да, от его вида у меня кружится голова.

Но ведь это вовсе не означает ничего глобального.

Не означает же?

После душа сама не понимаю, как оказываюсь перед холстом. Вроде шла к кровати и вот уже сижу, воду кисточкой по шершавой поверхности. Мазок за мазком, даже не думая о том, что рисую. Цвета сами смешиваются друг с другом, а мозг наконец полностью очищается. Остаётся только ощущение полёта. Фантазии или кукухи – пока непонятно.

Проходит достаточно времени, прежде чем поток творчества прерывается, а я будто включаюсь обратно в жизнь. Смотрю на смешение чёрного и зелёного, пытаюсь понять, что же мне это напоминает, пока, будто молния в темечко, не вклинивается мысль: это глаз. Я, сама того не понимая, рисовала его глаза.

Моргаю. Ещё раз. И ещё. Пока шестерёнки в голове наконец не начинают работать без скрипа. Но даже тогда я ловлю себя на мысли, что не хочу ничего делать с этой картиной. Пусть стоит тут.

Смотрю на время и практически вскакиваю, потому что до семи осталось полчаса. Быстро лечу к шкафу, начиная перебирать весь шмот, который там есть. В конце концов, останавливаюсь на чёрном топе и широких голубых джинсах. Натягиваю на себя, не забывая пшикнуть парфюм, и ровно в тот же момент, приходит сообщение:

Вадим: Приехал чуть раньше. Если свободна, выходи.

Руки заходятся в треморе, будто меня под венец ведут,

а не на кофе. Вытираю влажные ладони о бёдра, протяжно выдыхая. Снова смотрю на себя в зеркало, собираю пряди в высокий хвост, но быстро его распускаю. Опять собираю волосы, но только с лица, завязывая их на затылке, а потом опять распускаю.

– Чёрт, – психую на саму себя.

Делаю “ленивую” причёску, взлохмачивая её пальцами, а затем, чтобы не начать опять мудрить, хватая телефон, джинсовку и ключи, выбегаю в подъезд.

Путь от квартиры до лифта кажется бесконечным, а с пятого этажа на первый так и вовсе безумно нервным. Пока иду от лифта к двери подъезда, считаю до десяти, то и дело отмахиваясь от мысли вернуться в квартиру и сделать вид, что меня нет. Но когда дверь открывается, а перед подъездом я вижу достаточно большую, чёрную машину – замираю как вкопанная.

Это. Чёртов. Порше.

Хлопаю глазами, как дурочка, глядя на Вадима, облоковившегося о крыло машины. В белой футболке и с довольным лицом курит. И он, когда замечает меня, выбрасывает сигарету одним чётким движением куда-то в кусты.

– Эй, а если загорится?! – бросаю возмущённый взгляд туда, куда улетел уголёк, а затем перекидываю его на Вадима.

– К семи дождь обещают – не успеет, – усмехается и плавным движением отрывается от машины, делая короткий шаг ко мне. – Поехали?

Открывает дверь, стоит. Смотрит выжидательно, словно понимает, что я могу сбежать вот прямо сейчас, но не давит. Чёрт, он даже в этом хорош.

Ну что я теряю? Это ведь просто вечер. Просто кофе. Просто крышесносный парень, который сам всё это предложил. Радоваться надо, а я носом кручу.

Шагаю в его сторону медленно, будто даю сама себе возможность передумать, но в итоге всё равно заносу ногу и ныряю в салон. Здесь пахнет свежестью и цитрусом. Несмотря на то, что он курит – запаха табака нет, даже когда Вадим садится за руль и смотрит на меня, мягко улыбаясь.

– В кофейню или покатаемся? – с лёгким хрипом спрашивает, гипнотизируя меня.

Разглядываю его лицо снова и снова, как заколдованная. И здравый смысл подсказывает выбрать кофейню. Ведь там больше людей, соответственно, меньше возможности оказаться в нелепой или вовсе в страшной ситуации, но я почему-то отвечаю:

– Покатаемся.

Глава 5. Безумно красиво

Лена

В салоне царит странная тишина, словно мы накрыты куполом. Оттого я слышу только музыку, своё дыхание и, кажется, собственный здравый рассудок, который орёт о том, что всё это зря.

Но на удивление, Вадим не делает ничего, что заставило бы меня напрячься из-за него, только слабо улыбается, бросая короткие взгляды, да за дорогой следит. В какой-то момент мне даже, кажется, будто со мной что-то не так, раз он совсем не замечает меня. Ну, то есть... блин, да. Тупо загоняюсь.

Машина останавливается на парковке напротив кофейни, и только тогда он снова пронзительно смотрит в мои глаза.

– Какой?

Моргаю, пытаюсь включить свой мозг, но тот, видимо, на низком старте, чтобы выйти за Вадимом покурить.

– Чего? – спрашиваю пересохшими губами.

– Кофе какой? – с мягкой улыбкой повторяет, наклоняя голову вбок.

– Капучино, – отвечаю, прикладывая пальцы к пылающим щекам. – С сахаром. Две ложки.

Вадим кивает и выходит. А я, кажется, только теперь на-

чинаю дышать не урывками.

– Соберись, Лен, – бормочу, откидывая козырёк перед собой и заглядывая в зеркало.

Боже, красная, как помидор, а глаза как у бешеной собаки. Не хватало ещё, чтобы он подумал, что у меня не все дома.

В салоне свежо, но я всё равно открываю окно, впуская внутрь осенний вечерний воздух. Подставляю нос по ветру, прикрывая глаза, и думаю... обо всём и ни о чём одновременно. Просто отсчитываю секунды до момента, когда Вадим вернётся и я смогу снова вдохнуть его аромат. Пахнет он... просто бомбически. От этого запаха перехватывает дыхание, но каждый раз хочется вдохнуть ещё. Будто он вызывает зависимость.

Когда открываю глаза, Вадим уже выходит из кофейни, держа в одной руке подложку с двумя стаканами, а во второй телефон и что-то печатает в нём с весёлой улыбкой, от которой на его лице появляются ямочки. Я вижу их даже отсюда, в слабом неоне от вывески сверху. Или я просто хочу их видеть?

Ещё мгновение и он уже садится за руль, передавая мне стаканы.

– Есть мысли, куда поехать? – снова смотрит на меня улыбаясь.

– Нет, – медленно мотаю головой.

– Оке, тогда я сам решу, – подмигивает, отчего моё сердце подпрыгивает, ударяясь в глотку, а затем падает обратно и

разворачивается к рулю.

Ещё пятнадцать минут тишины и ненавязчивой музыки, прежде чем машина останавливается на какой-то заброшенной спортивной площадке. Тут пусто и безлюдно. А ещё темно. Единственный фонарь на всю видимую территорию и тот моргает каждые несколько секунд.

– Да не переживай ты так, – тихо смеётся Вадим, глядя, как я напрягаюсь. – Вышли какой-нибудь подружке свою локацию. Не съем я тебя.

А я что? А я передаю ему стаканы и, открывая переписку с Олей так и, поступаю. Мама бы сказала: бережёного бог бережёт. Я же могу сказать, что труп искать проще, если знать, где человек был перед убийством. В документалках, по крайней мере, именно на этом и спотыкаются.

Вадим спокойно ждёт, пока я уберу телефон, и только после этого достаёт один бумажный стаканчик, передавая его мне.

– Расскажи о себе, – вдруг говорит, делая небольшой глоток своего кофе.

Замираю, открывая рот, и закрываю его обратно. А после начинаю тихо смеяться.

– Знаешь, эта фраза работает, примерно, как спросить у человека про его любимого певца, а потом резко попросить назвать хотя бы пять песен. Мысли вылетают моментально.

Вадим тоже посмеивается, качая головой, видимо, признавая, что я права.

– Окей, давай по-другому, – тянет, откидываясь на спинку сидения, при этом не отрывая взгляда от меня. – На кого поступила?

– На художественный. Направление пока не выбрала, есть целый год подумать, – отвечаю, повторяя его движение.

– Много вариантов?

– Прикладное искусство, дизайн, изобразительное искусство, графика, – перечисляю, залипая на зелёных глазах, которые в освещении приборной панели кажутся полупрозрачными.

– Я и не думал, что столько разветвлений, – хмыкает, натягивая улыбку набок.

– А ты на кого учишься?

– На управлении, – отвечает без энтузиазма.

– Круто, наверное, – улыбаюсь.

На самом деле никогда не думала о другой профессии, но слышана, что на “управление” идут дети богатых людей. По крайней мере, в нашем городе.

– Наверное, – кивает.

– На каком ты курсе? – бросаю следующий вопрос, лишь бы не повисло молчание. Хотя с ним и молчать приятно, просто в эти секунды, кажется, словно он меня взглядом пожирает.

– На втором.

– Ты не по желанию туда пошёл, да?

– Отец настоял, – мягко улыбается. А затем резко меняет

тему: – Ты номер мой записала?

– Да, – отвечаю, краснея и сама не понимаю, как так выходит.

– Надеюсь не что-то вроде “придурок-прилипала”? – смеётся.

– Нет, – возмущённо свожу брови на переносице, – Просто Вадим. Знала бы фамилию, дописала бы её.

– Савицкий, – мягко говорит, а у самого взгляд резко становится как у орла, будто проверяет, действительно ли буду дописывать его фамилию.

В голове крутится мысль, словно я где-то уже слышала эту фамилию. И она такая настойчивая, что я не перестаю двигать мыслительный процесс, в попытке вспомнить, где именно. Даже замолкаю, чтобы получилось уловить мысль за хвост. Вадим же сидит тихо, будто даёт мне возможность догнать, пока меня наконец, не озаряет.

– Савицкий... Как у нашего мэра? – довольно улыбаюсь своей сообразительности.

– Ага, как у моего отца, – хмыкает Вадим.

А вот теперь я вообще забываю, как дышать. То есть... Он сын мэра? Серьёзно?

Видимо, мои глаза полезли на лоб, потому что теперь он смеётся вполне громко, но всё равно вызывает дрожь по телу. Приятную, сладкую дрожь.

– Ты шутишь? – переспрашиваю осипшим голосом.

– Да если бы, – качает головой. – Ты бы видела своё лицо.

Расслабься, этот факт ничего не меняет.

– Да как сказать, – бормочу, утыкаясь взглядом в стакан.
– Лично мне для первого дня слишком много потрясений.

– Ну тогда от ещё одного ничего не изменится, – со смешком говорит и ставит стакан в подстаканник. – Пошли со мной, – бросает, выходя из машины.

Раздумываю всего несколько секунд, прежде чем поставить свой кофе рядом с его и выйти на улицу следом.

Вадим стоит у капота, засунув руки в карманы, и смотрит куда-то вдаль. Только сейчас понимаю, что одинокий фонарь на всей территории находится прямо над нами. Между мной и ним один шаг, который я сокращаю, а плечи практически касаются друг друга, когда я встаю рядом. Смотрю туда же, куда и он, но не вижу ничего. Лишь редкие огоньки, как я думаю, фар.

Внезапно Вадим поворачивается ко мне, улыбается на один бок, отчего дыхание барахлит. Опять. Чёрт, это пройдёт когда-нибудь? А затем тихо говорит:

– Сейчас прости, но так надо, – резко обхватывает мои рёбра, поднимает и усаживает меня на капот.

Взвизгиваю, цепляясь пальцами в его плечи, и замираю статуей, когда под пятой точкой чувствую тёплый металл. Блин, да возле этой машины дышать страшно, а он меня ещё сверху сажает...

– Вадим, я не хочу её помять, – произношу одними губами, не расцепляя пальцы.

– Ты? Память? – с хохотком уточняет. – Брось, в тебе веса, как в котёнке. Не помнёшь.

Касается своими руками моих, пуская по коже двести двадцать, и мягко отцепляет меня от своей футболки, но не отпускает. Стоит напротив, держит мои пальцы в своих, глядя прямо в глаза. И весь он такой реальный, что кажется сказочным.

Только открываю рот, чтобы спросить, зачем он это сделал, как единственный фонарь тухнет, зато весь город за его спиной загорается тысячей огней. А я именно сейчас понимаю, что мы за чертой города, но недалеко, на каком-то склоне, с которого видно тысячи домов, фонарей и вывесок.

С моих губ срывается тихое “О”, когда я вижу всё в таком свете и масштабе.

– Почему сейчас?

– В это время в городе включают ночное освещение, и в это же время отключается этот фонарь, – мягким голосом отвечает. – Не знаю, где связь, но так происходит уже лет десять точно.

Я не вижу, куда он смотрит, но судя по тому, что моё лицо горит – на меня.

А мне... красиво. Безумно красиво и дико приятно от его внимания.

Глава 6. Он офигенный

Лена

Сложно описать все те эмоции, что я испытываю на протяжении вечера. От компании Вадима, от его чуткого внимания к деталям, от взгляда которым он смотрит на меня... сводит с ума буквально всё. В голове такая каша, словно я только вышла из дурки и не до конца понимаю, что вокруг происходит. Но многого он себе не позволяет, лишь плотнее сводит края моей джинсовки, когда на улице совсем вечерет и поднимается прохладный ветер; берёт мои руки в свои, когда замечает, как я сжимаю их от холода, и загоняет в салон машины, хоть я и сопротивляюсь. Мне не хочется отрываться от созерцания такого вида, но ещё больше не хочется прерывать ту магию, что летает в воздухе.

Мы говорим о многом: про универ – в частности, про мои впечатления от него; про семью – в основном про мою, потому что когда речь заходит за его, Вадим ментально отстраняется; про друзей – коих у меня немного, зато вот о его окружении есть что узнать, но и тут он особо не распространяется, рассказывая какие-то отдельные истории, связанные с его друзьями.

Слушаю каждый его рассказ как замороженная, не в силах оторваться, и ощущаю себя мотыльком, летящим на свет. Он

как магнит. И что-то глубоко внутри мне подсказывает, что он действует так на всех.

А когда мы оказываемся в салоне, я вообще перестаю соображать и чувствую лишь дикое волнение. Будто замкнутое пространство, в котором между нами не больше двадцати сантиметров давит. Но давит в хорошем смысле. В тёплом, ласкающем и абсолютно не правильным, если учитывать, что мы знакомы всего несколько часов.

– Ты расскажешь, откуда узнал мой номер? – спрашиваю, с улыбкой глядя на Вадима и даже сейчас залипаю.

Рассматриваю каждую черту его профиля, пока он смотрит на дорогу. Подвисяю на длинных пальцах, крепко удерживающих руль, и вспоминаю их касания. А стоит ему улыбнуться, так бабочки в моём животе устраивают бунт.

– Хочешь честный ответ? – наконец поворачивается ко мне, останавливаясь на светофоре, и наклоняется чуть ближе, упираясь локтем в подлокотник.

– Хотелось бы, да, – почему-то шёпотом отвечаю, перебегая из одного его зрачка в другой, а затем сама не понимаю, как замираю взглядом на пухлых губах.

– Просто зашёл в аудиторию, откуда вышла ты, и увидел на доске номер, – хрипит, облизывая губы.

– А как ты понял, что номер мой? – крепче сжимаю в пальцах стакан с уже остывшим кофе.

– Попытал удачу, – очередная улыбка, обнажающая зубы.
– Кто не рискует... – Подмигивает, недоговаривая, а затем

возвращает внимание к дороге, и в этот же момент я резко вдыхаю порцию кислорода.

Оказывается, я задержала дыхание от волнения.

Повисает молчание, которому я, на удивление, рада, потому что у меня есть возможность собрать мысли в кучу. А они, всё равно расползаются в разные стороны, что меня дико бесит.

Отворачиваюсь, смотрю на дорогу через лобовое и понимаю, что Вадим везёт меня домой. От этого ловлю странное раздражение, а ещё в голову тут же лезет мысль: “он хочет от меня избавиться, надоела”.

– Мы едем домой? – сглатываю отчего-то появившийся ком обиды в горле.

– Ага, – бросает расслабленно. – Я ведь обещал вернуть тебя к десяти.

Хмурюсь пару секунд, пока до меня не доходит смысл сказанных им слов. Лезу рукой в карман джинсовки, достаю телефон и тупаком пялюсь в экран. Почти десять! Офигеть! Я даже не заметила, как пролетело чуть больше трёх часов. А что самое странное – мне безумно мало.

– Я же не маленькая, могу и подольше погулять, – бурчу, не глядя на него, хотя кому я вру: если мама позвонит, а меня не будет дома, её инфаркт хватит.

Нет, она у меня не деспот, просто дико опекает, особенно когда она на ночных сменах. Объясняет это тем, что насмотрелась кошмаров больницы. Она у меня ночная медсестра.

– И я, поверь, очень хочу, чтобы ты задержалась, – хрипит Вадим, едва улыбаясь. – Но ещё больше я хочу, чтобы у тебя не было проблем, а я вызывал у твоей мамы лишь положительные эмоции.

От этих слов к щекам моментально приливает кровь. Горячая, почти обжигающая. Такая, что я едва сдерживаю порыв приложить пальцы к лицу и лишь закусываю губу. Значит ли это, что он надеется познакомиться с матерью? Или это просто жест воспитания? Спросить не решаюсь, просто киваю и молчу до самого дома.

Когда машина останавливается у подъезда, я в очередной раз зажимаю в руках бумажный стаканчик и кидаю короткий взгляд на Вадима. По виду – спокойного, как танк. Однако, когда он поворачивается, я вижу в его взгляде океан эмоций. Ну либо же мне хочется в это верить.

– Пока, – говорю тихо, натягивая на лицо улыбку.

Вадим по-доброму хмыкает, а затем наклоняется ближе, из-за чего моё состояние вновь пошатывается, будто землетрясение в десять баллов объявили.

– До завтра, – так же тихо отвечает, оставляя на моей щеке невесомый поцелуй.

Невесомый, но такой обжигающий, что я вздрагиваю. Наши лица в нескольких сантиметрах друг от друга, глаза смотрят в глаза, отчего, кажется, ещё немного и случится магия. Но всё резко обрывается, как только мой телефон издаёт звонкий “пилик”.

Моргаю, обрывая нить, которая каким-то неведомым образом образовалась между нами и отстраняюсь, протягивая руку к двери.

– До завтра, – повторяю эхом и практически вылетаю на улицу.

В подъезд телепортируюсь за несколько секунд, даже не оборачиваясь, а когда оказываюсь в лифте, достаю телефон и читаю спасительное сообщение.

Оля: Я всё ещё жду рассказа. Как всё прошло? Как он? Красивый? О чём разговаривали? Понравилось?

Читаю кучу вопросов с улыбкой на улице, а в ответ печатаю короткое:

Я: Оль, он офигенный.

Глава 7. Начало положено

Вадим

– Начало положено? – хитро давит лбыу Ян.

– Ты думаешь, я буду раскрывать карты? – хмыкаю, подкуривая сигарету.

– Нам и так ясно, что ты на верном пути, раз девчонку рассосало в первый же вечер, – отбивает Марк, высовывая голову из моего Порше. – Тебе осталось уложиться в сроки.

– А с чего ты взял, что её рассосало? – выдаю со смешком.

– Ты рожу свою видел? В последний раз она у тебя так светилась, когда Изи высосала из тебя всю душу, – ржёт Марк.

Потом, наконец выходит, подходит ближе и встаёт рядом с нами, а затем тоже прикуривает. Мы, как обычно, на лобном месте – на парковке у универа. Пока эти двое пытаются выпытать из меня хоть какую-то информацию, я коршуном выглядываю знакомую голову.

Сегодня утром позвонил Динь-Динь, чтобы заехать за ней, но она уже ехала вместе с подругой, так что меня тактично побрили. Да и, в общем-то, я только рад: мне же лучше, если она промаринуется в мыслях: “а как всё было, если бы я забрал её”. Так сказать: в мою копилочку её думки обо мне. В целом – приемлемо.

Теперь же я жду, когда она появится, чтобы напомнить

о себе. Хотя, думаю, вряд ли она забывала. Правильнее сказать: я жду её, чтобы показать, какой я чуткий, заботливый, покладистый и внимательный. И похер, что всё моё внимание вчера было на её точёной фигуре, которую слишком сильно мне хочется ощутить под собой. Уверен, стонет она так же скромно, как и смотрит.

– Ты чё завис? – бросает Ян, толкая локтем в рёбра. – Потёк? – добавляет с самодовольной улыбкой.

– Завались, – фыркаю, выбрасывая бычок в урну, и тут же улавливаю Лену, выходящую из белой Ауди.

В несколько быстрых шагов подлетаю к двери тачки, открываю, доставая из бардачка плитку шоколада и под дружные смешки двух баранов, лечу в сторону Феечки.

Сегодня она выглядит не такой забитой, как ещё вчера, да и взгляд более... светящийся. Всё оказалось куда проще, чем я мог представить, и от этой мысли на моём табло рисуется практически маска джокера.

Её узкие бёдра обтягивают чёрные лосины, выделяя аппетитный зад, который еле прикрывается белым свитшотом без капюшона. На плече всё тот же светлый рюкзак и в руках чёрная ветровка.

Догоняю Динь-Динь и её подружку, а после, равняясь с ними, мягко, но вместе с тем достаточно громко говорю:

– Доброе утро.

Лена останавливается, смотрит на меня, и я почти вижу, как она растекается, однако надо отдать должное – держит

себя в руках. Во всяком случае – пытается.

– До-о-оброе, – с хитрым выражением тянет шатенка, стоящая рядом с ней, оглядывая меня с ног до головы, но тут же отдёргивает сама себя, выдаёт смешок и добавляет: – Подожду тебя в аудитории.

Лена кивает, и только после этого девчонка уходит.

– Привет, – щебечет тихо, заправляя светлую прядь распущенных волос за ухо. – Ты меня караулишь?

– Естественно, – усмехаюсь мягко. – Ты ведь меня отшила, а я должен был убедиться, что всё нормально.

– Я не отшивала тебя, – карие глаза тут же расширяются до размера марианской впадины, а следом на щеках появляется лёгкий румянец. – Просто Оля оказалась быстрее, – бормочет, закусывает губу, думая, что это не сильно заметно.

Тихо посмеиваюсь, и она, увидев это, расслабляется. Видимо, до неё всё же доходит, что я шучу.

– Просто хочу пожелать тебе хорошего дня, – протягиваю плитку шоколада и прежде чем она начнёт строить из себя неприступную, добавляю: – А ещё, хочу, чтобы после пар ты поехала со мной.

Время замирает. Только люди мимо ходят, а я, кажется, вижу в её глазах, как шестерёнки в светлой голове начинают работать на износ. Несколько минут Динь-Динь разглядывает моё лицо, будто пытается найти там ответы на все свои вопросы. И мне дико хочется рассмеяться из-за этого, ведь уж что-что, а играть роли я умею, так что шансы практиче-

ски нулевые.

– Для чего-то конкретного? – Лена, наконец, разрывает мыслительный процесс и спрашивает едва слышно.

– Нет, – жму плечом. – Просто хочу побыть с тобой и отвезти тебя домой.

Краска ещё больше покрывает её лицо, но вопреки этому Феечка кивает.

– Хорошо. У меня три пары.

– Отлично, – улыбаюсь широко. – Заберу тебя у аудитории.

Очередной кивок, после которого я подхожу ближе, разрывая оставшееся пространство между нами и наклоняясь, оставляю на её виске аккуратный поцелуй. Ощущаю вибрацию женского тела, но делаю вид, будто ничего не заметил, возвращаясь в прежнее положение.

Да только вот отсюда ещё лучше видно, как Динь-Динь дышит урывками и буквально готова взорваться от волны подступающей паники. Забавное зрелище.

– Пока, – шепчет, приподнимая уголок губ.

– Увидимся, – отвечаю чётко и, разворачиваясь на пятках, возвращаясь к пацанам.

На лицах этих двоих полупокеров уже всё написано, поэтому мне остаётся только усмехнуться, качая головой и коротко сказать:

– Завалите скворечники.

После чего они взрываются смехом.

А я... тупо игнорю. Ведь мы все понимаем, что когда дело касается спора, то пойдёшь и не на такое, хотя им по-любому в новинку видеть меня таким зайной-лапонькой. Поэтому и выхватывают с этого. Да и к тому же, даже если им заведомо понятно, что они проиграли – нам всем всё ещё любопытно увидеть результат. Особенно мне. Отдельный вид наслаждения – наблюдать, как светлые ангелочки становятся падшими ангелами. Но ещё больший кайф – знать, что им это нравится.

Глава 8. Чертовы буйволы

Лена

Все пары и между ними двигаюсь чисто на автомате и чувстве предвкушения.

Оля, каждый раз, как видит мой мечтающий взгляд, тычет мне в ребро локтем, а Маша хихикает, наблюдая за этим. Но я, блин, ничего не могу с собой поделывать, хотя и отдёргиваю саму себя. Понимаю, что мои мысли идут совершенно не в ту степь, когда вспоминаю его губы на своей щеке и виске. А ведь мы почти не знакомы. Только откуда тогда эти бабочки в моём животе, которые просыпаются, словно стадо буйволов, стоит Вадиму оказаться рядом?

– Тебе нужно немного отвлечься, – вполне серьёзно говорит Оля, глядя чётко в мои глаза, когда мы сидим в столовой между второй и третьей парой. – Узнаете друг друга получше и тогда уже точно поймёшь, стоит ли тратить на него свои эндорфины.

– Согласна, – кивает Маша, сидящая справа. – Сутки – не показатель, – а затем шурясь, поворачивается ко мне. – Ты хоть покажи нам его.

– Тебе, я его уже видела, – хмыкает Оля. – Увидела и вполне понимаю, почему Ленка растекается лужицей, но всё равно рекомендую притормозить.

Тихо смеюсь над выражением лица Маши, глаза которой слегка расширяются, а губы надуваются от слов Оли. Но тут же начинаю шарить глазами по пространству, в надежде, что Вадим с друзьями тоже здесь, однако не нахожу. Разочарованно выдыхаю, уже не надеясь показать Маше, как выглядит Вадик, как Троица появляется в проходе. Все как один: высокие, с надменными, почти ленивыми лицами, отчего мне становится не по себе, ведь рядом со мной Вадим абсолютно другой.

Слева от Вадика блондин, он более “живчик”: что-то говорит, здоровается с людьми, которые проходят мимо, и в целом достаточно оживлённо перекидывается фразами с Вадиком.

Справа от него ещё один парень. Он чуть меньше их двоих в комплекции, но при этом по виду – полный аристократ. Белоснежные волосы, в тон им толстовка, из-под которой видится странная татуировка на шее и отчуждённый взгляд. Даже движения ещё более слоумо. Жуткий тип...

В какой-то момент наши с Вадимом взгляды пересекаются и на его лице вырисовывается шикарная улыбка, а затем он подмигивает, из-за чего я мгновенно краснею, резко опуская глаза, но успеваю заметить, как блондин кладёт руку ему на плечо и хлопает, что-то весело говоря.

– Вон, видишь святых? – чуть подаётся вперёд Оля и указывает головой в сторону парней, что уже уселись за одним из столов. – Тёмненький – это её, – кивает в мою сторону

подбородком.

Маша прослеживает взглядом, куда указали, и через секунду её брови взлетают так, что, кажется, будто ещё немного и затеряются в светлых волосах, собранных в высокий хвост.

– Савицкий? – почти шипит. – Серьёзно?

– Ты знаешь его? – удивляется Оля.

– Прикалываешься? – фыркает Маша, но, когда понимает, что подруга не шутит, добавляет: – Это Савицкий. Сын нашего мэра.

– О! – единственное, что выдаёт Оля, откидываясь на спинку стула, вытягивая губы в трубочку. – Нихрена себе... – бормочет тихо, почёсывая бровь коротким ноготком. – Вот это улов, подруга!

– Я не знала, что он сын мэра до вчерашнего дня, – зачем-то оправдываюсь, сминая салфетку в руках.

– Не сомневаюсь, – прыскает смехом Оля. – Если бы знала, то вряд ли ты бы поехала, – подкалывает меня. А затем переводит острый взгляд на Машу и спрашивает: – А ты откуда его знаешь?

– Моя мать, секретарь в мэрии, – закатывает глаза. – Видела его пару раз там. Не общались, так что я понятия не имею какой он. Зато дружка его хорошо знаю, – морщится, будто съела пол-лимона. – Тот, который белый, как привидение.

– Плохие рекомендации? – продолжает хихикать Оля.

– Да не то чтобы, – жмёт плечами. – Просто, считай, за тем

столом сидят дети самых влиятельных отцов: мэр, СБШник и прокурор, – загибая пальцы, тарактит.

– Но что-то ты всё же знаешь, раз так отреагировала, – поворачиваюсь к Маше, вклиниваясь в разговор.

– Просто Марк... блин, знаешь, есть такие люди, с которыми, когда разговариваешь, то холодок по спине бежит? Вот. Это про него.

– Думаешь, у него в подвале семеро по лавкам к батарее пристёгнуты? – заговорщическим тоном шепчет Оля, вновь наклоняясь к нам, но долго не выдерживает и начинает смеяться.

Так заразительно, что мы тоже подхватываем этот смех. И хотя тему перепрыгнули, как на физре через “козла”, у меня всё равно есть внутри какой-то осадок, который не даёт мне покоя. Вроде ведь не про Вадима сказано такое, но не зря же существует фраза: “подобное к подобному”. И я кручу эту мысль настолько резво, часто и усердно, что в какой-то момент начинает болеть голова. Хочется встать посреди пары и уйти домой, но я не позволяю себе такого и просто отсчитываю секунды до звонка.

Когда он, наконец, звенит – собираю вещи в рюкзак и медленно иду к выходу из аудитории, словно давая себе время передумать, если Вадим снаружи. А ему даю время дойти до нужной двери. Такое ощущение, будто у меня биполярка развивается... однако, когда я выхожу, Вадик уже стоит возле входа в аудиторию, подперев плечом стену. Всё такой же

расслабленный, со спокойным лицом, от вида которого все мои сомнения улечувачиваются, будто и не было. Он замечает меня, и в уголках его зелёных глаз появляются мелкие морщинки от улыбки.

– Привет, – говорит тихо, отлипая от стены и вставая в полный рост.

– Привет, – зачем-то вторю ему.

– Тебя увезти? – давит вопросительно Оля, стоящая за мной спиной.

Да так неожиданно, что я слегка вздрагиваю.

Моргаю раз, второй, но сколько бы ни повторяла это действие – залипаю только на зелёных глазах и белоснежной улыбке перед собой.

– Лен? – зовёт подруга.

Моргаю ещё раз, едва заметно встряхивая головой и поворачиваясь к ней вполоборота, тихо отвечаю:

– Не нужно. Я сама доберусь.

Оля поджимает губы, однако лёгкая улыбка всё равно просвечивается сквозь этот жест, а затем кивает и уходит. Она по-любому хочет сказать мне, что я дура, раз не следую её совету, но... потом. Потом я обязательно ему последую. Когда пойму, что эти чёртовы буйволы в моём животе не от волнения, а от одного конкретного человека.

Глава 9. Можно я нарисую тебя?

Лена

– Ты сегодня задумчивая, – тянет Вадим, когда мы едем по дороге, а я, не отлипая, смотрю в боковое окно. – Что-то случилось?

“Ты случился”, – думаю, но вслух не транслирую.

Вместо этого поворачиваюсь к нему, натягивая лёгкую улыбку, и отвечаю:

– Нет, просто... немного устала и в шоке.

Вадик кидает на меня короткий взгляд, после чего возвращает его к дороге, но я успеваю заметить, что он не очень-то и поверил моим словам.

А всё дело в том, что я думаю. Точнее, пытаюсь думать, ведь в его присутствии мне даётся это особенно тяжело.

Разве такое возможно, чтобы человек с красным аттестатом и отличной усвояемостью информации вдруг стал как овощ? Чтобы в голове только и крутились отдельные фразы единственного человека, его глаза и улыбка, а в ушах звенел его голос?

Смотрю в лобовое и только сейчас замечаю, что мы едем не ко мне домой. И что странно – меня это ни капли не напрягает. Только внутри загорается огонёк любопытства.

– Куда мы едем? – спрашиваю тихо, не отводя глаз от до-

роги.

– В кафе, – мягким тоном отвечает. – Ты не поела в столовой, и я не отпускаю тебя домой голодной.

Вспыхиваю, заливаясь краской от кончиков пальцев до корней волос и непонятно отчего мне больше неловко: от его заботы или оттого, что он следил за моим питанием.

– Как ты узнал, что я не ела? – практически шепчу.

– Видел, как ты относил полный разнос к стойке.

– Следишь за мной? – всё же поворачиваюсь к нему и делаю это максимально не вовремя, потому что машина останавливается на какой-то парковке.

– Наблюдаю, – аккуратно поправляет меня, заглушая двигатель и поворачиваясь ко мне всем корпусом.

В зелёных зрачках горит огонёк, который читается буквально как угроза моему душевному равновесию, но я продолжаю смотреть, утопая в странном чувстве защищённости, которое мне даёт Вадим.

Казалось бы – просто наблюдение, но какое же оно всё-таки весомое, когда настолько неожиданное.

– И зачем ты наблюдаешь за мной? – спрашиваю снова, не повышая тона.

Есть ощущение, что если сказать хоть что-то чуть громче, то вся магия разлетится в щепки.

– Потому что хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, – хрипит и, кажется, немного тянется ко мне.

Но мне будто померещилось, ведь Вадим по-прежнему на

расстоянии от меня. Достаточно далеко, чтобы я могла дышать свободно, но при этом очень близко, чтобы забивать мои ноздри своим ароматом. Сладким, мужским. Таким, от которого лёгкие сдавливает спазмом. Приятным.

Легонько улыбаюсь и делаю то, на что никогда не была способна – тянусь к нему сама, оставляя на его щеке неведомый поцелуй. Простой жест, чтобы сказать “спасибо” без слов. И я ожидаю, что он как в этих фильмах про студентов схватит меня, прижмёт к себе и вопьётся своими губами в мои. Жду в каком-то страхе, перемешанном с предвкушением.

Но вот я отодвигаюсь, а он всё также не шевелится. Лишь смотрит на меня, как кот на сметану, и расплывается в улыбке.

– Пошли? – спрашивает уверенно, протягивая руку и убирая прядь волос с моего лица за ухо.

Щёки снова заливают жар. То ли от своих мыслей, то ли от его жеста, но в этот раз не могу спрятать свою реакцию и прячу лицо в ладони. Слышу тихий мужской смех, от которого под кожей плавится металл, и ещё сильнее зарываюсь, прячась от него.

– Не прячься от меня, – шепчет мне на ухо. – Я хотел бы сделать многое, просто не хочу тебя напугать.

Резко вскидываю голову, глядя на него широкими глазами, и мне, остаётся только гадать, что он имеет в виду под этим “многим”.

Вадим выходит из машины, не говоря больше ни слова, лишь подмигивает, когда, оказывается, на улице, а затем оглаживает капот и открывает дверь с моей стороны.

Кафе встречает уютной обстановкой и запахом кофе. А ещё здесь много зелени: на стенах, в углах и даже небольшие горшочки на столах. Идём вглубь, проходим мимо зала и выходим на террасу усаживаясь за столом у перил, и когда подходит молодая девушка, Вадим делает заказ.

Я даже не слушаю, что он заказывает, только смотрю на него, будто заколдованная, и не могу не заметить, как официантка стреляет глазками в его сторону. Но что меня радует больше всего – он этого не замечает.

Вообще, для него словно кроме меня ничего и никого не существует, потому что, даже когда Вадим перечисляет блюда, его взгляд неотрывно изучает меня.

Что-то говорить – мне дико неловко. А потому стоит нам остаться вдвоём, как мы оба молчим. Но и это не кажется чем-то странным. Так даже уютно. И когда приносят салаты, мы так же молча едим.

Поглощаю еду, даже не задумываясь о том, что парень привёз меня в кафе, а я понятия не имею, сколько это стоит и хватит ли у меня денег. И доходит это до меня только после того, как передо мной ставят тарелку с очень аппетитной запечённой картошкой и курицей в сливочном соусе. От одного вида во рту скапливается слюна, а желудок, в котором уже, между прочим, лежит “цезарь”, протяжно воет.

Поднимаю глаза на Вадима, который уже – или всё ещё – смотрит на меня.

– Что? – вскидывает бровь.

– Во-первых, в меня столько не влезет, – шепчу, чуть перегибаясь через стол. – А во-вторых, сколько это стоит?

– Во-первых, у тебя нет выбора и придётся это в себя засунуть, – повторяет мой тон и моё движение. – А во-вторых, тебя это не должно волновать.

И вроде говорит это ласково, почти нежно, но так, что у меня пропадает всякое желание сопротивляться. Словно он имеет какой-то невидимый поводок, который привязан ко мне, и натягивает его с хирургической точностью.

– Когда ты где-то находишься со мной, то единственная твоя забота – наслаждаться, – улыбается по-кошачьи, откидываясь на спинку дивана. – Ясно? – добавляет, вскидывая бровь.

Сама не понимаю, как киваю и беру в руки вилку.

На этот раз мы разговариваем. Ни о чём и обо всём сразу. Вадик спрашивает, как прошёл мой первый учебный день и успела ли я освоиться в роли старосты, а я не знаю, как объяснить, что толком не помню первую половину дня, потому что провела её в мечтах о нём. Да и не признаются в таком.

В каждом фильме или романе, которые я читала и смотрела, все проблемы начинались именно с того момента, как девушка признавалась в слабости. Но разве я не сделала этого ещё час назад в машине?

Спрашиваю Вадима о друзьях, он говорит кого, как зовут и немного о них самих, но без особых подробностей. Рассказывает, как прошёл его день, какие планы на вечер, а заодно интересуется и моими.

– Нужно нарисовать несколько эскизов на завтра и... – запинаясь, вспоминая пару по живописи. – ...портрет.

– Портрет? – удивляется.

– Угу, – киваю, практически втыкаясь носом в чашку с чаем.

– Чей будешь рисовать? – слышу в его тоне нотки настойчивости.

– Сначала хотела попросить Олю, потом маму, – жму плечами.

– Но в итоге?... – Вадим будто понимает, к чему я веду и аккуратно подталкивает меня в нужном направлении.

И я, честно, пытаюсь ему сопротивляться. И себе тоже. Но выходит очень плохо. Да кому я вру... выходит ужасно.

Поднимаю глаза, тут же утопая в зелени. Мнусь всего несколько секунд, чтобы потом, закусив губу, спросить:

– Можно я нарисую тебя?

Глава 10. Совершить глупость

Лена

Мы договорились о портрете на выходные. В итоге несколько дней до часа “икс” я ходила как на иголках, то и дело одёргивая себя, чтобы написать Вадиму, что я передумала.

Во-первых, потому, что ровно через час после того, как я предложила ему это, идея показалась мне максимально глупой.

Во-вторых, я ещё около суток раздумывала, где будет удобно это сделать, и пришла к выводу, что таскаться со всем барахлом – не вариант, а значит, Вадиду придётся прийти ко мне.

И после этой мысли мой мандраж стал в сотню раз сильнее. Оля, конечно, успокаивала меня, качая головой, но это не очень-то и помогало.

Всю неделю мы постоянно были на связи: каждый мой день начинался с его “доброе утро” и заканчивался его “сладких снов”. Даже в универе, когда я не ожидала, Вадим подходил либо просто поговорить, либо оставить на моём виске лёгкий поцелуй. И, чёрт, я уверена, что видела злобные взгляды в свою сторону, в то время как Вадик их будто не замечал.

А когда день и время моего краха, наконец, определилось, меня захлестнула паника.

Суббота, время к вечеру, мама собирается на работу, а я бегаю из угла в угол, нервничаю. То и дело чешусь от психов и по десять раз укладываю кисти в аккуратную линию.

– Лен, если ты подвинешь их ещё раз, то боюсь, что они развернутся и уйдут, – матушка тихо смеётся, глядя на мои припадки.

Поджимаю губы, одёргивая руки, и подхожу к зеркалу, упираясь плечом в стену около него. Наблюдаю, как мама наносит последние штрихи в макияже, затем собирает светлые волосы в аккуратную причёску и напоследок пшыкает парфюмом.

Даже на работу собирается, как на праздник. Брюки на высокой посадке, блузка с объёмными рукавами, подвеска с большим синим камнем посередине. Словно ей не придётся закрыть всю эту красоту белым халатом.

Смотрю на неё и восхищаюсь. Я бы тоже хотела настолько любить себя, чтобы даже зная, что меня ждут тяжёлые часы – всё равно наряжаться.

– Буду утром, надеюсь, к этому времени ты будешь одна, – хихикая разворачивается ко мне, а я тут же заливаюсь краской, расширяя глаза.

– Да ма-а-ам, – тяну на грани истерики. – Я просто попросила его позировать.

– Нью? – фыркает.

Цокаю, закатывая глаза, и разворачиваюсь, чтобы снова пойти поправить кисточки.

Да, я рассказала маме о своих планах. Я и не ждала, что она будет против, потому что между нами, вроде как, доверительные отношения, но и явно не ожидала, что она будет меня подкалывать при каждом удобном случае.

– А если серьёзно, Лен, – повышая тон, говорит мама из прихожей, – то я жду нашего знакомства.

И да, вот оно её маленькое условие.

– Я передам Вадиму твоё пожелание, – бурчу в ответ. – Но ты же понимаешь, насколько это странно? Мы знакомы неделю, а ты хочешь, чтобы я привела его познакомиться.

Выхожу обратно к матери и смотрю волком на неё, в надежде, что она всё же сжалится и передумает.

– Нет ничего странного в том, что я хочу знать, с кем проводит время моя дочь, – мама подходит ближе, делает “бип”, тыча в мой нос указательным пальцем, мягко улыбаясь. – И совсем неважно, кто вы друг другу. Это просто для личного успокоения.

Закусываю губу, глядя в голубые родные глаза, и киваю.

– Хорошо.

Мама накидывает куртку, подхватывает сумку, обувается и выходит, оставляя меня с моими страхами наедине. Будто мне до этого было мало переживаний, а она решила ещё и знакомство к ним добавить.

Хожу из угла в угол, каждые две минуты глядя на время,

и когда на часах показывает шесть тридцать две, на телефон приходит сообщение:

Вадим: Я приехал, жди.

Сердце словно сумасшедшее начинает колотиться в рёбра, будто пытаюсь проделать себе путь на волю, а руки, что и без того тряслись, теперь и вовсе становятся ватными.

Закатываю рукава кофты от домашнего костюма, начинаю чесать предплечье, но останавливаю сама себя, пока не сняла скальп. Затем собираю волосы в пучок и только после этого встаю напротив двери, набирая полную грудь воздуха.

Звенит звонок, на котором я протяжно выдыхаю. Ожидаю, что открою дверь и увижу, как обычно, довольную ухмылку, но перед моим носом появляется торт. Хотя и ухмылка тоже на месте.

– Привет, – тянет довольно.

– Привет, – отвечаю, делая шаг назад и впуская его в квартиру.

– Маме торт, – толкает мне в руки десерт и начинает раздеваться, оставляя бомбер на вешалке, словно тысячу раз здесь уже был.

– Она уже ушла, – бормочу. – Но спасибо.

– Да? Жаль, – хмурится. – Надеялся познакомиться.

Издаю непонятный звук, похожий на ”кряк”, а затем широко улыбаюсь, довольная тем, как всё хорошо выходит.

– Это отлично, потому что она с тобой тоже хочет познакомиться, – говорю смущённо.

Вадим хмыкает, делая шаг ко мне, обхватывает моё лицо ладонями, поднимая его, и невесомо целует в лоб.

– Вот и прекрасно. Значит, познакомимся. Скажешь, когда она будет дома, – хрипит, глядя в мои глаза так, что мне не остаётся выбора, только как кивнуть.

Что странно – за эти дни он целовал меня только в лоб или в висок. Даже в моменты, когда мне казалось, что вот-вот произойдёт большее, он этого не делал. И это дико бесит. Но вместе с тем... ощущается как нечто тёплое, почти обжигающее. В эти мгновения все слова подруг о том, что он может быть “не тем, кем, кажется” – вылетают в трубу. Потому что Вадик каждый раз доказывает, что у него нет никаких плохих намерений.

– Чай хочешь? – шепчу, рассматривая зелёную радужку, хотя взгляд то и дело опускается на его губы.

Они манят меня. Весь он – манит. Как мотылька на пламя.

– Не хочу, но если ты голодна, то пойдём, – тянет уголок тех самых губ вверх.

– Не голодна, – медленно моргаю и почти обиженно выдыхаю, когда Вадим отпускает моё лицо. – Торт унесу и начнём. Иди туда, – указываю пальцем на дверь гостиной.

Ну что же... начнём испытание под названием “пережить вечер один на один в квартире и не совершить глупость”...

Глава 11. Надо ли?

Лена

Рука скользит по холсту так, будто я уже наизусть знаю каждую черту, а его присутствие здесь – фарс и лишняя возможность побыть рядом. Хотя почему “будто”. Так ведь и есть. Кажется, я могу закрыть глаза и всё равно нарисую его лицо с точностью до морщинки. Широкие плечи, обтянутые белой футболкой, венки, что расползаются витиеватой паутинкой от предплечий по запястьям. Каждую. Мелкую. Деталь.

Вадим улыбается краешком губ, глядя на меня и как бы я ни хотела, чтобы он сидел без эмоций, всё равно вывожу эту ухмылку. Она его часть и есть ощущение, что без неё это будет уже не тот человек.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, – вдруг раздаётся его голос, из-за чего я вскидываю глаза, впиваясь ими в его силуэт.

Я знаю, о каком вопросе он говорит. Ещё несколько дней назад он прислал мне сообщение с содержанием: “Как проходят твои вечера без меня?”. Я свела тему к минимуму, потому что не хотела признаваться в очевидном. Не хотела говорить, что ужасно. Наверное, я бы выглядела полной дурой...

– Если тебе интересно, то я скучал, – продолжает добивать

меня словами. – Редкие, короткие встречи в универе меня мало устраивают.

– Прекрати, – шепчу, улыбаясь, и возвращаю взгляд к холсту, на котором уже есть до безумия красивое лицо.

И почему за рисованием два часа проходят, как одно мгновение?

– Ты не веришь мне, – рокошет снисходительным голосом и это вовсе не вопрос.

Он утверждает то, что я пытаюсь доказать самой себе, хотя правда такова, что я верю ему. Верю и сама себя за это ругаю. Но что я могу сделать? Он чуткий, добрый, внимательный и заботливый. Так не относятся к тем, кто безразличен. Так ведь? И если бы он просто пользовался мной, то уже бы показал свою сущность. Всё же неделя рядом с девушкой, которая нужна тебе только для постели, не обойдётся редкими поцелуями в лоб. Но Вадим... он будто сам боится меня касаться. Бережёт, как самую хрупкую вещь на свете. И это подкупает.

– Динь-Динь, не молчи, – мягко призывает ответить ему, называя прозвищем, которое мне дал. А мне оно очень нравится, особенно из его уст.

– Мне хотелось быть рядом, – сдаюсь выдыхая. – Просто я понимаю, что это... неуместно.

– Это почему? – снова смотрю на него из-за тона, которым он это произносит и вижу бровь, что вопросительно вздёрнулась.

– Брось, – хихикаю, краснея от его реакции ещё больше.
– Мне правда нужно объяснять такие очевидные вещи?

– Хотелось бы, – раскидывается на диване и теперь уже выглядит не как кот, а как самый настоящий хищник.

– Мы ведь практически не знакомы, – пожимаю плечами, не отводя взгляда.

Но это, судя по всему, становится каким-то знаком для Вадима, потому что он медленно поднимается и приближается ко мне. Встаёт за моей спиной, укладывая руки на мои плечи. Чуть сжимает их, из-за чего я вскидываю голову и вижу, как он смотрит на портрет.

– Знаешь в чём проблема, Динь-Динь? – его большие пальцы чуть крепче впиваются в мой позвонок, пока остальные пальцы гладят шею, и я, честное слово, готова замурлыкать от этих ощущений. – Ты ведь почти не смотрела на меня, пока рисовала, а так чётко, по памяти, незнакомых людей не рисуют, – хрипит, глядя на меня сверху вниз, и мягко улыбается.

И я понимаю, что он прав. Всецело.

Тяжело сглатываю вязкую слюну и смотрю только в его глаза. Это капитуляция перед собственными мыслями. В этот момент я признаюсь ему, и сама себе, что он действительно мне нравится.

Медленно встаю, из-за чего Вадику приходится выпустить меня из захвата, и цепляюсь пальцами в его руку, утягивая за собой к дивану. Он всё это время не отводит взгляд, сопро-

вождая каждое моё движение, словно контролирует, а как только подходим, сам садится, утягивая меня к себе на колени.

Мы молчим, но его глаза говорят, как он рад, что это случилось, а мои... даже не знаю. Думаю, в них или черти пляшут, или мартышка в бубен стучит, ибо когда я смотрю на него, весь остальной мир уходит на задний план.

Наши лица в считанных сантиметрах друг от друга. Дыхание перемешивается, как и ароматы. Сейчас не существует двое отдельных людей: есть только какой-то единый, странный организм, который даже дышит, кажется, в унисон.

Уверенные пальцы гладят мою спину сквозь ткань кофты, но без намёка. Просто водят, будто ему мало того, что я уже сижу на нём. А я крепко держусь за его шею, периодически зарываясь рукой в его короткие волосы.

– Хочешь правду? – шепчу в его губы.

– Конечно. Всегда, – отвечает в тон мне.

Набираю полную грудь воздуха, продолжая перебирать пальцами по “ёжику” на его затылке.

– Я боюсь всего этого, – закусываю губу. – То, какая я с тобой... это странность для меня.

В ответ он улыбается, но не так, как обычно, а будто пытается меня успокоить. Словно сейчас, одним действием Вадим говорит: я покажу, как бывает. И это помогает. Паника отступает, как и смущение.

– Ты моя, Динь-Динь, – хрипит, в миллиметре от моих

губ. — И я готов ждать тебя, хоть вечность.

А затем — поцелуй. Такой сладкий и трепещущий одновременно, что я вся покрываюсь мурашками и начинаю дрожать, прижимаясь ближе к Вадику. Кажется, в этот момент весь мир вокруг нас делает кульбит в воздухе и не встаёт обратно на ноги. Он рассыпается. Но это тот случай, когда не хочешь собирать его, потому что все, что необходимо находится очень близко и целует тебя.

Вадим не давит на меня, лишь слегка сминает мои губы, когда одна его ладонь укладывается на мою щеку. Ласкает, не делая при этом резких движений, и когда меня немного отпускает, я отвечаю на этот поцелуй.

Крепче сжимаю его шею, вздрагиваю, когда его пальцы зарываются в волосах на моём затылке и притягивают, не давая шанса увернуться. От этого чувства всё внутри стягивается в плотный узел, и жар растекается по телу с такой скоростью, что я даже не успеваю понять, как это произошло.

Горячий язык проводит по моим губам, вновь вызывая дрожь, но теперь я не думаю долго — впускаю его и следом слышу шумный выдох, вперемешку с тихим мужским стоном, как только наши языки соприкасаются. Отзываюсь эхом на этот звук, ощущаю, как его руки крепче сжимают меня, будто он борется с желанием сдвинуть меня и подмять под себя. От этой мысли становится ещё жарче, ещё горячее. Языки танцуют свой танец, переплетаясь и срывая тормоза, причём у обоих. Сама не понимаю, в какой момент начинаю гла-

дить его спину, едва полосуюя по ткани футболки ногтями, а затем Вадим отстраняется, возвращая мне способность дышать и мыслить. Хотя я готова разреветься, лишь бы он вернул всё как было. Чтобы почувствовать его вкус снова. И запах. И всего его.

Утыкается лбом в мой лоб, смотрит в глаза, дышит тяжело. Как и я. Молчит. Я тоже молчу, не зная, как оправдать произошедшее сейчас.

Да и... надо ли?

– Нарисуй себя, – хрипло шепчет.

– Зачем? – спрашиваю тихо.

– Я хочу себе этот портрет, – отвечает уверенно, а затем, отстраняясь, тянется рукой, чтобы убрать с моего лица светлую прядь.

Прикрываю глаза, впитывая в себя ощущение его пальцев на своём лице и глубоко вдыхая, киваю.

– Хорошо, нарисую.

Глава 12. Завтра будет веселье

Вадим

– Даже знать не хочу, насколько ты близко к победе, – фыркает Ян.

И в этот же момент на мой телефон приходит сообщение:
Динь-динь: Я скучаю.

Усмехаюсь тому, как вовремя всё произошло, и, отрывая смартфон от стеклянной поверхности стола, тычу Соколу в лицо.

– Да бля, как ты это делаешь? – возмущается с психом и опрокидывает в себя содержимое бокала.

А всё намного проще, чем можно представить. Одна просьба о портрете, от которой Феечка растеклась лужицей; один поцелуй, от которого весь её мозг покрылся плёнкой с моим именем и затем три дня простого “привет-пока” в универе с едва ощутимыми чмоками в лоб. Всё. Птичка сама прётся в клетку. Метод кнута и пряника стар как мир, и особенно странно, что им не пользуются все вокруг.

Мы сидим у меня в квартире, которую предки подарили мне на восемнадцать. Я ей пользуюсь только для отдельных случаев, как этот, например. Собраться чисто парнями или притащить сюда кого-нибудь на разовый трах.

Сейчас здесь тьма народу и половину из них я даже не знаю. А вот ту, что с грацией кошки усаживается на мои ко-

лени, зовут Настя. По её плечам раскидываются прямые чёрные, скорей всего наращённые, волосы, а на пухлых губах, покрытых блеском, рисуется улыбка, когда она льнёт ко мне ближе, буквально втыкаясь сиськами третьего размера в моё лицо.

– Поберёг бы силы, – подъёбывает Марк, сидящий на диване напротив нас. – А то в самый ответственный момент не встанет.

И будто в опровержение Настя елозит на моих коленях, поднимаясь выше. В штанах тут же напрягается, упираясь в её бёдра, как бы напоминая, что мой последний секс был с Ниной первого числа, а это без малого больше недели назад.

– Деньги можете уже скидывать, – говорю пацанам, глядя при этом на хищную улыбку Анастейши.

– Ещё две с лишним недели, – хмыкает Марк. – Я подожду, когда твоей мелкой мыши надоест ждать тебя вечерами у окна и она пошлёт тебя нахер.

– Не пошлёт, – ржёт Ян. – Ты разве не видел, как она ему в рот заглядывает?

Победно усмехаюсь, не отвечая на это ничего. Просто потому, что и так знаю, что она уже готова. Осталось выждать совсем немного, чтобы в самую нужную минуту маленькое сыклишко не сдало назад и всё в ажуре. На это у меня есть пара дней, а значит, секс сейчас точно не повредит.

Протягиваю руку, укладывая её на затылок змее, что извивается на мне почти в такт музыке, и рывком притягиваю

к себе, без промедлений толкаясь языком в её рот. Дева стонет, мажет руками по моей груди сквозь ткань футболки и с каждым касанием наших языков трётся всё энергичнее. Её вкус перемешивает со вкусом вишнёвого блеска для губ, и это малость раздражает, но не настолько, чтобы остановиться.

Свободной рукой веду по её колену вверх, беспрепятственно забираясь под подол платья, и разогреваю её. Сучка стонет уже открыто, и плевала она на людей вокруг. Ей всё равно, что рядом сидят ещё два парня, которые, в принципе, вообще не церемонятся, когда в голову ударяет кровь, а она будто этого и добивается.

Сталкиваю её с себя, а затем встаю, протягивая руку. Настя безропотно хватается за неё и следует за мной.

В комнате, куда я её затягиваю – темно. Пробивается лишь редкий свет в панорамное окно, из которого с такой высоты виден весь город. Но мне не нужен свет, чтобы сделать то, что хочется, а потому, как только она садится на край кровати, я приближаюсь, уже на ходу спуская пояс джинс. И когда я подхожу достаточно близко, член находится на уровне её губ.

– Открой ротик, – хриплю тихо, и она подчиняется.

Принимает меня моментально и на всю длину. Сразу виден профессионализм.

Пальцы запутываются в её волосах на затылке, сжимают их, а затем я с силой давлю. Так, что она носом резко утыка-

ется в меня. Её острые ноготки впиваются в мои бёдра, пока она двигает головой. Сжимает бёдра в такт тому, как я давялю. Дева течёт и ждёт продолжения. А я... откидываю голову назад, ловя кайф каждый раз, как нахожусь глубоко в глотке и с каждой минутой наращиваю темп.

В какой-то момент, она уже не держится за меня, а удерживает, но из-за разницы в силовых соотношениях – это бесполезно. Её глотка сокращается, доставляя ещё больше удовольствия, пока, я вколачиваюсь в её рот на бешеных скоростях, а затем так же не вынимая, находясь глубоко в ней, спускаю.

Воздух вылетает сквозь плотно сжатые зубы, дыхание сбивает, пальцы стягивают её волосы у корней почти до хруста. Отстраняюсь, только когда последняя капля стекает по её глотке. Смотрю на милое личико, по которому растёкся макияж; в глаза, на уголках которых скопились слёзы и мягко усмехаюсь.

– Душ там, – указываю пальцем на соседнюю дверь. – Приведи себя в порядок.

Подхожу к тумбочке, достаю оттуда влажные салфетки и протираю себя от слюны и остатка блеска для губ, а затем вкладываю их в её ладонь.

– Заодно выбросишь.

И плавной походкой плыву к двери, натягивая джинсы.

В гостиной парни встречают меня с улыбкой от уха до уха, и я знаю, что она означает.

– Да, да, кто хочет – идите, главное... не целуйте, – морщусь, а после ржу оттого, как перекосило их обоих.

– Обойдусь, – булькает Марк.

– Тебе, кстати, ещё сообщение прилетело, пока ты был занят, – с хищной рожей тянет Ян и когда я сажусь на своё место, подбирая телефон всё с того же стола, он усмехается.

А я читаю:

Динь-динь: Завтра мама дома. Помнишь, ты хотел познакомиться?

– Ну чё там? – бросает Марк. – “Я помылась, побрилась, приезжай и бери меня”?

– Не, – ржу. – Там третий пункт плана, – отмахиваюсь, беру свой бокал и делаю глоток вискаря.

– И в чём он заключается? – вскидывает бровь Ян.

– Понравиться её маме, – широко улыбаюсь, а после мы одновременно взрываемся смехом.

О да, завтра будет веселье.

Глава 13. Самый лучший

Лена

– И всё? Поцелуй? – челюсть у Оли отвисает и только что по столу не мажет ей.

– А что должно было быть? – вместо меня возмущается Маша. – Он её перед мольбертом разложить должен был?!

– Ч-ш-ш, не ори ты так, – шикаю на блондинку, энергично размахивая руками.

Мы сидим на кухне у меня дома, а за стенкой мама. Она, конечно, не подслушивает, но если так орать, то хочешь-не хочешь, а всё равно услышишь.

Оля выглядит, как обычно, шикарно, и единственное, что сейчас её отличает от неё утренней – вязаный комбез коричневого цвета, который сидит просто идеально. В таком она не ходит в универ.

А вот Маша что сейчас, что на парах – привычно сучная. Но это так мило, что уже даже немного по-родному. Открытый топ, вызывающий макияж. Девушка, которая умеет привлечь к себе внимание.

– Да я просто удивлена, что она три дня молчала в универе, хотя могла бы и там рассказать, – фыркает Оля.

– Там слишком много лишних ушей, – булькаю, хватая в руки чашку с чаем и делая глоток.

Подруги продолжают переговариваться на тему того, что мне не надо было так шифроваться и что, вполне вероятно, промолчи я ещё день, то Олю бы хватил инфаркт. Мне с этого забавно, но в целом, я их не слушаю, потому что мои мысли не здесь.

Они где-то там, с парнем, который занял собой всё пространство вокруг меня и сегодня не рядом, потому что в последний момент парни позвали его посидеть втроём.

Сегодня четвёртый день, с того вечера, как он был у меня, а после... лишь редкие пересечения в университете, где мы не одни и рядом обязательно или его друзья, или девчонки. Вечерами его утаскивает отец, и он чисто физически не может приехать ко мне. И сегодня вот, он должен был появиться, но планы резко сменились. Конечно же, мне от этого обидно, но, с другой стороны, хотя бы появилась возможность поговорить с подругами нормально.

Однако рука сама по себе тянется к телефону и, открывая диалог с Вадимом, печатает короткое:

Я: Я скучаю.

Убираю гаджет на столешницу. Не жду, что он ответит сразу же, но взгляд то и дело возвращается к экрану смартфона.

Ещё несколько дней назад я поняла, что мне непривычно, если он не пишет и грустно, если не отвечает. Короче, каким-то магическим образом теперь моё настроение целиком и полностью зависит от одного человека. И если девочки шу-

тят на этот счёт, то мне совсем несмешно. Потому что в минуты, когда Вадим не заполняет собой моё личное пространство, я чувствую себя овощем. Ни на что не способным, безмозглым, в которого встроена лишь одна функция – скучать.

– Ты влюбилась, – вдруг говорит Маша, лукаво глядя на меня, подперев рукой голову.

– Что? Кто? Я? – начинаю троить, как сломанная розетка, перекидывая широко распахнутый взгляд с одной на другую.

– Ну а нет, блин, я, – фыркает Оля. – Ты моську-то свою вообще видела? На ней же единороги скачут, а вот тут, – легонько тычет указательным пальцем между моих глаз. – Они уже совокупляться начали.

– Ой, брось, – отмахиваюсь, моментально краснея. – Я не... не...

– Да-да, – прыскает смехом Маша. – Не оправдывайся, дурёха. На самом деле это круто. Вадим, похоже, в отличие от своих друзей, нормальный.

– Только меня смущает, что он сливается, – постукивая ноготком по подбородку, тянет Оля.

– У него ведь могут быть свои дела! – вместо меня отвечает Маша. – Не сидеть же ему рядом с Ленкой сутками.

– Тоже верно, – кивает, соглашаясь.

А я только и успеваю весь вечер, как на теннисе за мячом следить. Осталось только кричалку выучить, чтобы болеть за одну из подруг, ибо они в данный момент как ангел и демон на моих плечах. И что символично: белая, светлая и “за” Ва-

дима – Маша, а тёмная, подозревака “против” Вадима – Оля.

– Он... очень хороший, – мечтательно вздыхаю.

– О, девочки, вы ещё здесь? – на кухню заходит мама и широко улыбается. Тоже удивительный человек: едва вернулась с двенадцатичасовой смены, а довольная, будто недавно проснулась. Однако по её взгляду понятно, что она не только в курсе, что мы ещё здесь, но ещё и слышала часть разговора.

– О, Лариса Владимировна, мы думали, вы спите, – неприятно удивляется Оля, которая успела познакомиться с мамой ещё несколько дней назад, когда заезжала за мной в универ и заодно отвозила маму в больницу.

– Я слышала, как вы думали, – посмеивается матушка, глядя на меня и по моим щекам сразу же разгоняется жар.

– Простите, не хотели шуметь, – прикрывая рот ладонью и распахивая глаза, лепечет Маша, которая познакомилась с мамой сегодня вечером.

– Да всё нормально, мне тоже интересно стало, – кивает ма и усаживается на четвёртую сторону стола, с интересом, глядя на нас. – Что на повестке дня? Любовь-морковь?

– Ну ма-а-а, – тяну, пряча лицо в ладони под дружный смех подруг и матери. – Вы смерти моей хотите, что ли?

– Да наоборот. Вот, всё жду, когда познакомлюсь с нормальным, хорошим, милым, добрым, – загибая пальцы, перечисляет мама все прилагательные, использованные за сегодняшний вечер в адрес Вадима. – А то мне обещали и всё молчок.

– Ты работаешь постоянно, – булькаю, не убирая руки от лица.

– Завтра у меня выходной, так что жду на ужин нашего кавалера, – со смешком отвечает и встаёт из-за стола, отчего мне приходится оторваться от собственных рук и посмотреть на маму. – В шесть, – добавляет, а затем опять уходит.

– Святая женщина, – выдыхает Оля, глядя маме вслед. – Моя если бы узнала, что я с кем-то хотя бы общаюсь, то я была бы пристёгнута дома к батарее.

– Серьёзно? – вздёргивает бровь Маша, но видя, что своим вопросом заставляет Олю нервничать, добавляет: – Ты просто не выглядишь забитой.

– А я и не забитая, – отвечает, пожимая плечами. – Просто не имею права на отношения. Только свадьба, только хардкор.

– Не узнав партнёра? – с жалостью перевожу на неё взгляд.

– Ага, – кивая отбивает, а затем со смешком, как бы между прочим, договаривает: – Не всем везёт с родственниками.

Поджимаю губы, не понимая, что на это ответить. Зато Маша находит и начинает пытаться Олю вопросами по типу: из какой ты семьи, что у вас за правила такие, старший ты ребёнок или младшая.

Я же... опять беру в руки телефон и всё ещё не вижу ответа на своё сообщение. Поэтому печатаю короткое:

Я: Завтра мама дома. Помнишь, ты хотел познакомиться?

И снова укладывая его перед собой, начинаю гипнотизировать, на этот раз уже не отвлекаясь. Даже, кажется, не моргая. Проходит пять минут, десять и на двенадцатой минуте экран загорается.

Хватаю его так резко, что девочки по бокам подпрыгивают от неожиданности, и читаю:

Вадим: Конечно, Динь-Динь, скажи время, и я приеду. Скучаю дико. Без тебя тут совсем скучно.

А затем расплываюсь в улыбке и по стулу под общий смех подруг.

– Даже знать не хочу, что он написал.

Мотаю головой, глядя в потолок, и единственное, что могу выдать:

– Он самый лучший.

Глава 14. Как пожелаешь, моя Фея

Лена

Подскакиваю с утра без будильника и в диком мандраже, а когда хватаю телефон и вижу в нём три непрочитанных, так и вовсе практически пишу в подушку.

Первое в 00:12.

Вадим: Феечка, я дома. Утром за тобой заеду. Сладких снов.

Второе в 00:20. От которого моё сердце разгоняется до ультраскоростей и пытается пробить рёбра.

Вадим: Хотел бы лежать сейчас рядом с тобой.

И последнее в 6:50.

Вадим: Доброе утро, Динь-Динь. Буду у тебя в 7:40. Улыбка приветствуется.

И я, как по заказу, расплываюсь в улыбке, раскидываясь звездой на кровати. Внутри творится что-то невообразимое. Какая-то смесь предвкушения, страха, счастья и бесконечной благодарности к Вадиму за то, что он есть в моей жизни.

Знаете, бывает такое, что ты рад настолько, что у тебя просто не получается выплеснуть это хоть как-то и ты начинаешь ходить из угла в угол, чтобы энергия расходовалась. Иначе... переполняет чувство, что ещё чуть-чуть и лопнешь. Вот это происходит со мной последнюю неделю. От каждого

его сообщения. От каждого взгляда и касания. От каждого слова, будь то простое “привет” или многозначительное “отлично выглядишь”. От всего него.

Подношу смарт ближе, печатаю короткое:

Я: Доброе утро.

Ответ не заставляет себя ждать, будто он сидел с открытым чатом с заготовленным сообщением:

Вадим: Как спалось?

Я: Нормально...

Вадим: Перефразирую. Как спалось без меня?

Закусываю кончик большого пальца, чтобы снова не пискнуть, и продолжаю светить зубами.

Я: Думаю, с тобой было бы теплее.

Вадим: И мягче. Определённо мягче.

Смеюсь. Тихо, себе под нос. А ему в ответ отправляю смеющиеся эмодзи.

Я: Да, ты прав. Надо как-нибудь проверить.

Вадим: Как пожелаешь, моя Фея.

Читаю. Зажмуриваюсь. Приоткрываю один глаз и снова зажмуриваюсь. Чёрт! Почему мне так страшно видеть это сообщение? Тем более я уже знаю его содержание!

Вскакиваю с кровати, порхаю по комнате, выбирая, что надеть, и останавливаю свой выбор на лёгком красном платье. Почему бы и нет, раз погода ещё позволяет? Затем в том же темпе лечу в ванную, умываюсь, пытаюсь сделать что-то существенное с волосами, которые максимально непослуш-

ные, после того как я помыла их и в итоге просто собираю в высокий хвост. Наношу совсем лёгкий макияж и возвращаюсь в комнату.

Когда выхожу уже собранная на кухню, чтобы попить чай – мама уже сидит за столом и смотрит на меня в забавном прищуре.

– Ты полетела вместе с бабочками? – бросает по-доброму.

– Ма, прекрати, – нахохливаюсь снова, оставляя смарт, что до сих пор держу в руке, на столе. – Ты только перед Вадимом сегодня свои шутки оставь.

– А он всё-таки придёт?

– Ага, в шесть, – киваю, подхожу к чайнику и, закидывая заварку в чашку, заливаю её кипятком. – – Правда, он ещё пока не знает, что в шесть, но через, – достаю телефон, смотрю время и добавлю: – пятнадцать минут узнает.

– Вот и шикарно, – мама расплывается в улыбке. – А то я уж думала, что с твоими картинками никогда тебя замуж не выдам.

– Мам! – глотаю воздух от возмущения. – Прекрати!

Она в ответ лишь смеётся, вставая с места.

– Всё не ворчи, – подходит ближе. – Я просто рада, что ты не одинока, – легонько целует меня в лоб и выходит.

“Я тоже этому рада”, – думаю и залипаю в окно, одновременно отпивая горячий чай.

Выхожу из транса, только когда вижу, что Порше Вадима паркуется напротив подъезда, а сам он выходит и, подперев

бёдрами дверь машины, прикуривает сигарету.

Залипаю на нём. На том, как сидит белая широкая футболка на его теле, как тёмные джоггеры подчёркивают его фигуру, а ещё... Как он достаёт смартфон из кармана и что-то в нём делает. И звук сообщения на моём мне подсказывает, что именно.

Подхожу к столу, беру телефон и читаю:

Вадим: Я приехал.

Я: Я вижу. Сейчас, возьму сумку и спускаюсь.

Наблюдаю, как он тянет уголок губ вверх в своей привычной манере и снова не могу оторвать взгляд.

– Так вот как он выглядит, – хмыкает над моим ухом внезапно появившаяся мама. – Ничего себе! Вот это машина!

– Он сын мэра, мам, – кошусь на неё, всё ещё высунутую из-за моего плеча.

– Вот это улов, – посмеивается она.

– Да что вы все заладили, – закатываю глаза. – Будто я специально его ловила.

– Всё-всё. Я молчу, – плотно сжимает губы и проплывает мимо к холодильнику.

Больше не хочу слушать подколы в свою сторону, а потому иду в комнату, подхватываю сумку, в которую ещё вчера вечером сложила всё необходимое и пулей вылетаю из квартиры, уже на ходу, застёгивая ботинки и накидывая куртку.

Стоит оказаться на улице, как в нескольких метрах я вижу Вадика и моё сердце вновь исполняет сальсу. Мне хочется

подбежать и повиснуть на его шее, но я понимаю, насколько нелепо это будет выглядеть с моей стороны. Поэтому иду медленно, почти насильно заставляя себя снижать скорость.

Останавливаюсь напротив Вадима, запрокидываю голову, смотрю в его зелёные глаза. Он, в свою очередь, проходит взглядом по мне от макушки до пяток. Настолько ощутимым, что те места, где его глаза задерживаются дольше, чем на три секунды начинают гореть.

– Выглядишь шикарно, – хриплым шёпотом говорит, протягивая руку и забирая мою сумку. – Настолько, что хочется отвезти тебя не в универ.

Заливаюсь краской моментально. Кончики ушей начинают гореть от мысли, что я вызываю у него такую реакцию, а затем... я вспоминаю наш поцелуй и загораюсь ещё сильнее. При этом я продолжаю смотреть в его глаза. Прямо. Почти с вызовом.

– Нельзя так поступать с тем, кто и без того еле держится, – качает головой усмехаясь. – Хулиганка, – тянется свободной рукой, вкладывая её на мой затылок, и притягивает к себе, врезаясь в мои губы поцелуем.

В эту секунду всё моё самообладание рассыпается в мелкие щепки, и я со стоном выдыхаю в его рот. А ещё дико жалею, что эти несколько дней меня в универ забирала Оля. Если бы каждое моё утро начиналось так, я на парах создавала бы шедевры.

– Ужин в шесть, – говорю, не разрывая поцелуя, после че-

го горячий язык тут же проникает в мой рот.

Цепляюсь пальцами в его футболку, чтобы не упасть от внезапно накатившей слабости, прижимаюсь плотнее и чувствую... то, от чего тут же вспыхиваю, подобно спичке. И буквально через несколько секунд после, Вадим отстраняется, ослабляя хватку.

Дышу тяжело, глядя в его затуманенные глаза. Сама готова упасть прямо тут, но он всё ещё поддерживает меня.

– Значит, приеду в шесть, – хрипит, перебегая из одного моего зрачка в другой.

Киваю. Через секунду киваю ещё раз. Словно пластинку заело. А затем крепкие пальцы соскальзывают с моего затылка, и я могу сделать шаг назад. Могу, но не хочу.

– Опоздаем, Динь-Динь, – говорит тихо, мягко, улыбаясь при этом.

Опять киваю.

Как дура, ей-богу.

Всё же делаю шаг назад и Вадим тоже отлипает от машины, открывая пассажирскую дверь. Ждёт, когда я нырну в салон и только после этого подходит к задней двери, открывает её, оставляя мою сумку на сиденье. Закрывает их обе, огибает капот и, усаживаясь за руль, выворачивает на дорогу.

Мы едем молча, но и слов не надо, когда его рука лежит на моём колене, а большой палец мягко поглаживает кожу. Кажется, в этот момент мне вообще больше ничего не надо.

На парковке у универа мы прощаемся ещё минут десять. Стояли бы дольше, да с одной стороны подошли его друзья, а с другой – мои девочки, так что нам пришлось отлипнуть друг от друга.

– У меня сегодня две пары, – говорит тихо, чтобы слышала только я. – У тебя три, я подожду.

– Ты выучил моё расписание? – улыбаюсь мягко.

– Естественно, – хмыкает, а, затем убирая прядь с моего лица, целует в лоб.

– Не жди, – мурлычу от его касаний. – Оля меня отвезёт.

– Уверена?

– Да, – киваю. – Боюсь, если ты заберёшь меня с пар, то мы точно не поедem до дома.

Вадик усмехается. Беззлобно. Словно подтверждая мои слова. А затем кивает и, указывая подбородком на моих подруг, говорит:

– Беги.

А я... бегу. Даже когда сильно пытаюсь сдерживать себя, всё равно порхаю. И уверена, он это видит.

Глава 15. Срывает тормоза

Вадим

– Куда собираешься? – в пороге комнаты появляется мать, облокотившись плечом, обтянутым шелковой блузкой о косяк.

Взгляд прицельный, прожигающий. Она знает, чего ждать, но каждый раз задаёт один и тот же вопрос, будто ожидая услышать иной ответ. А я предвкушаю её реакцию, на то, что прозвучит дальше.

– Знакомиться с родителями, – хмыкаю, поворачиваясь к ней лицом и поправляя белоснежный ворот поло.

– Ты заболел? – смотрит на меня подозрительно.

– А похоже? – выдаю со смешком, проходя к кровати и заталкивая телефон в карман.

– Девушка?

– Мам, тупые вопросы задаёшь, – выдыхаю вымученно. – Явно не с бате́й Яна иду знакомиться. Он мне иногда даже ближе, чем собственный.

– Значит ли это, что и мы скоро её увидим? – прошупывает почву насторожившись.

Мне хочется засмеяться от этого вопроса и громко крикнуть: “нахуй надо!”, но вместо этого я снисходительно улыбаюсь.

– Возможно, когда-нибудь, – киваю и выхожу из комнаты.

Мне хватило тупых вопросов от пацанов за весь день и ещё один раунд блиц-опроса я тупо не потяну.

Прыгаю в тачку, врубаю музыку погромче и срываюсь с места, оставляя на асфальте тёмные следы.

Внутри долбит предвкушение выигрыша. Я практически слышу девичьи стоны под собой, и от этого всё тело моментально напрягается в ожидании. Нет никакого трепета или чувств. Есть только цель. Выиграть. Доказать друзьям и лишний раз самому себе, что я – лучший.

Телефон вибрирует в кармане, и я уже заранее знаю, что там сообщения от Лены. Снова ванильная херня по типу: “переживаю”, “скучаю” и бла-бла-бла. Поэтому даже не пытаюсь читать весь этот бред.

По дороге к её дому заезжаю в кондитерскую, покупаю торт. Вовремя замечаю рядом магазин цветов и захожу ещё и туда. Два букета – равно две потекли бабёнки. И абсолютно поебать, что разная возрастная категория. Женщины в любом возрасте, почему-то растекаются от двух вещей: цветов и банального приторного слова “люблю”.

Ещё через полчаса оставляю тачку на парковке перед этажной Динь-Динь и пока иду, не читая её сообщения, печатаю короткое:

Я: Приехал, поднимаюсь.

Смотрю в зеркало в лифте и понимаю, что сам себе напоминаю какого-то ботана, который идёт к преподу, чтобы

умолять не ставить четыре. И потому рука сама по себе тянется и слегка взъерошивает чёлку, а затем расстёгивает пуговицы на поло.

Звонок в дверь и передо мной появляется Динь-Динь. В сексуальном топе и коротких шортиках, будто специально подбивает раньше времени перешагнуть черту. Или я тупо себе придумываю, ведь это обычный домашний костюм. Который хочется снять зубами.

Хотя боюсь о заклад, этот же топ на вчерашней Насе сидел бы куда лучше, с её-то третьим размером.

– Привет, – лепечет Феечка, делая шаг назад и заламывая пальцы в замке перед собой.

– Выдохни, Динь-Динь, – тяну уголок губ вверх и протягиваю ей букет. – Я буду хорошим мальчиком, – хриплю, наклоняясь ближе, и мажу по её щеке губами.

Вижу, как она вспыхивает, а после покрывается мурашками. Глупышка, нашла что надеть: теперь ведь её реакцию считать – легче лёгкого.

– Добрый вечер, – слышится женский голос с другого бока, и я тут же поворачиваюсь, вытягиваясь по струнке.

Вижу мать Лены и первое, что появляется в моей голове – фраза.

Вот это нихуя себе!

Я сейчас будто оказался в порнухе, описание к которой звучит “мать и дочь затащили бедолагу в спальню” и, сука, я буду не я, если не увижу продолжение!

Да они копия друг друга, за исключением цвета глаз и возраста. И то, маманька-то от Лены далеко не ушла. Невысокая, стройная, а взгляд-то какой цепкий. Она явно в отличие от дочери знает, с какой стороны к члену подойти.

– Добрый вечер, – расплываюсь в улыбке и протягиваю второй букет, как только запасной вариант подходит ближе. – Вадим, – представляюсь, когда она перехватывает цветы.

– Лариса Владимировна, – тянет с такой же улыбкой, но глазами сканирует на предмет подозрительных действий.

Выдохни, милфа, даже если тебе сильно захочется – не увидишь. Пиздеть я научился раньше, чем разговаривать.

– Проходите, чего стоите, – тает на глазах снежная королева и машет в сторону кухни. – Чайник уже вскипел.

Как только она скрывается за углом, Динь-Динь протяжно выдыхает.

– Вот видишь, а ты боялась, – хмыкаю, скидывая Форсы и в один короткий шаг, оказываюсь возле неё, сгребая в объятия.

Это всегда работает безотказно. От моего жара она тут же плавится, расслабляясь. Предсказуемо.

– Что бы она ни сказала, не подавайся, – шепчет в мою грудь.

– Ты так говоришь, будто она мне библию будет всучивать, – посмеиваясь глажу её спину и только когда Феечка окончательно успокаивается – отодвигаю её от себя. – Нормально же всё, чё ты.

Мне надо, чтобы она не истерила. Чем легче пройдёт весь этот цирк, тем проще будет занять нишу в душонке Динь-Динь и всё – победа у меня в кармане.

Перехватываю её руку, переплетая наши пальцы, утягиваю на кухню. Тут за столом уже сидит Лариса... фак, забыл отчество. Ну да ладно, пусть будет просто Ларисой. А чтобы не спалиться, что мне похуй, буду называть мамой Ларисой.

Сажусь на стул, Лена начинает порхать, расставляя чашки и тарелки с тортом, усаживая мать напротив меня.

Голубые глаза по-доброму смотрят в мою чёрную душонку, а ещё подмечают “случайно” брошенные “влюблённые” взгляды на её дочь.

– На кого ты учишься, Вадим? – наконец задаёт самый базовый вопрос.

– “Политическое управление”, второй курс, – отвечаю спокойно.

– Решил пойти по стопам отца? – вскидывает бровь.

– Скорее, мой отец, как и родители моих друзей, уверены, что Политология в любом случае пригодится, – хмыкаю, вспоминая войну Яна с батей, когда тот не хотел поступать в универ совсем.

– То есть не учишься? – склоняет голову чуть вбок.

– Ну почему же, я хорошист, – усмехаюсь. – Причём хорошист своими усилиями.

Правда, не стоит уточнять, что эти оценки заработаны исключительно половым путём. Просто я оказался умнее дру-

гих и ещё на первом курсе оприходовал секретаря в ректорате. Там девушка чуть за тридцать и трахается хорошо, так что одни плюсы. Из минусов, пожалуй, только то, что она вызванивает меня, как мальчика по вызову, но это не проблема. Терпимо.

– Красивый, порядочный, умный, – перечисляет маман лисьим голосом. – Не слишком много хороших качеств для одного парня двадцати лет?

– Мам, – возмущённо пыхтит Лена, подошедшая, чтобы налить чай.

– Ну во мне есть не только хорошее, – вскрываю одну-единственную карту, чтобы не казаться совсем идеальным, потому что каждый человек на планете знает: идеальных не существует. – Я дикий лентяй и, если верить словам моей мамы – оболтус, каких поискать, – выдаю с широкой улыбкой.

Наступает секундная тишина, после которой женская половина дома начинает тихо смеяться.

– Ладно, убедил, – кивает Лариса.

И на этом всё более менее успокаивается. Лена, наконец, перестаёт нервничать настолько очевидно и когда садится рядом, я просто беру её руку, а свою под столом. Уверен, “вариант постарше” это замечает, но лишь едва заметно улыбается.

Меня спрашивают про моих родителей, про то, чем я занимаюсь в свободное время и как отношусь к Лене. В целом,

всё это напоминает шоу, на котором выбирают идеальную пару. Скучно, тошно, но терпимо. По крайней мере, успокаивает мысль, что это ненадолго.

Когда я, очевидно, заебываюсь отвечать на тонну вопросов, а у Ларисы эти вопросы – вдвойне очевидно – заканчиваются, она встаёт и с милой улыбкой говорит:

– Ну вы сидите, а я пошла.

– Хорошо, – кивает Динь-Динь, а когда её мать уходит, всем корпусом поворачивается ко мне, обхватывая моё лицо ладонями, и коротко целует в губы. – Спасибо, – шепчет, чуть отстраняясь.

– За что? – вскидываю бровь.

– Что не психанул на третьем вопросе.

Хмыкаю. Эх, Феечка, знала бы ты, на что я способен, чтобы выиграть, не лезла бы благодарить.

– Пойдём, – встаёт, протягивая мне руку.

– Куда? – хмурюсь. Не собирается же она меня выпроваживать?

– В комнату. Я со стола потом уберу, – шевелит пальцами, подгоняя, ну а я и не сопротивляюсь.

Переплетаю наши руки и иду в уже известном направлении.

Как только дверь за моей спиной закрывается, я иду к креслу и падая в него, утягиваю Динь-Динь за собой. Она тут же льнёт ко мне кошкой и практически мурлычет, усаживаясь на моих коленях поудобней.

– Я так рада, что всё хорошо прошло, – радостно говорит, глядя в мои глаза. – Мне было это важно.

О, моя маленькая, мне тоже. Ты бы знала насколько...

– Я знаю, – укладываю ладонь ей на щеку и очерчиваю большим пальцем линию лица. – Мне тоже это было очень важно, – хриплю, задерживаясь взглядом на её губах.

По венам тут же пробивает нервный импульс, концентрируя кровь в паху. Видимо, вчерашней разрядки было мало. Или в ход пошло желание обладать именно ею.

– Спасибо, – повторяет снова, краснея при этом, как помидор, а её кожа моментально становится не просто горячей – обжигающей.

– Тебе не нужно меня благодарить, – тянусь губами к её подбородку, оставляя на нём влажный поцелуй. – Я тоже нуждался в этом, – добавляю, спускаясь ниже.

И ни капли не вру, кстати. Нужда-то была.

А сейчас... когда под губами тонкая кожа её шеи, под которой ощутимо пульсирует венка, а вторая рука блуждает по оголённым бёдрам, которые не скрывают короткие шорты – появляется вторая нужда.

Вывожу влажную дорожку по едва солёной коже, чувствуя, как от этих касаний Феечка вся сжимается, продвигаясь ближе, царапаю зубами кожу, зализывая эти следы. А затем поднимаюсь и нахожу своими губами её. Не жду разрешения – толкаюсь языком, вынуждая приоткрыть рот, но там мозг уже покрыт дымкой и Лена безропотно подчиняется.

Разворачивается, усаживаясь удобнее, отвечает на поцелуй с неменьшим удовольствием и стонет, всякий раз, как мои пальцы забираются чуть выше края шорт.

Становится жарко и слишком безумно. Тормоза срываются и не только мои, когда она трётся о каменный член через штаны, а весь мой план катится в пизду. Да. Буквально. В неё.

Тонкие пальчики цепляются за край моего поло и дёргают вверх, лишь на секунду разрывая поцелуй. Касания кожа к коже, выбивают из меня воздух, а из Динь-Динь – очередную порцию приглушённых стонов. В этот момент я понимаю, что разум действительно отключается не только у меня.

Отстраняюсь всего на мгновение, чтобы посмотреть в её поплывшие карие глаза и припухшие губы. Принимаю её молчание за согласие, а затем снова глубоко целую, вставая с ней на руках. Подхожу к кровати, аккуратно укладывая её на лопатки, и снова отрываюсь.

Победно оглядываю её сверху вниз, подмечая, как тяжело она дышит и пытается сжать бёдра, между которыми я всё ещё стою.

Веду пальцами по её колену, выше, касаюсь того места, что интересует меня больше всего, и сквозь ткань шорт надавливаю.

Динь-Динь снова стонет, но в этот раз сама закрывает свой рот ладонями, глядя на меня широко распахнутыми глазами, будто не ожидала, что способна на такое, а я не сдерживаю

ухмылку.

Вот так хорошие девочки становятся послушными сучками.

Убираю пальцы, нависаю над ней, упираясь рукой у её головы и немедленно целую. Переплетаю наши языки так, чтобы выбить остатки сомнений, а после, чтобы уж наверняка, пробираюсь под резинку шорт. Прохожу препятствие в виде тонких трусиков и буквально утопаю во влаге.

Чёрт... всё самое интересное только начинается.

Глава 16. Он идеальный

Лена

Он выпрямляется, касаясь меня так, что, кажется, будто душа покидает тело, а затем возвращается, врезаясь на бешеной скорости.

Мой организм сам реагирует на него, и, как только пальцы Вадима скользят дальше, я поддаюсь ему навстречу, при этом всё ещё зажимая рот руками.

– Тише, малышка, – хрипит Вадик, наклоняясь ближе ко мне.

А затем покрывает поцелуями шею, ключицы и спускается ниже, цепляя зубами ворот майки. Его рука вырисовывает узоры, понятные только ему, а у меня от каждого движения пробивает двести двадцать под кожей и я в реальном шоке... ощущение, словно меня разрывает на мелкие частицы, а я понятия не имею, как это остановить.

Но стоит его губам припасть к моим, и мне не хочется ничего останавливать. Хочу провалиться в эту бездну и никогда из неё не выбираться.

Каждое его короткое слово, сказанное хрипом, выносит землю из-под ног, а каждое касание плавит. В буквальном смысле. Становится больно, но эта боль перемешивается с нереальным кайфом.

Веду руками по его голому торсу, наслаждаясь бархатистостью кожи и мышцами, что едва выпирают из-под неё, но становятся чётче на каждом моём стоне. Весь он, словно каменеет, когда я реагирую на него, и я понимаю – я вызываю в нём то же, что и он во мне.

Вадим великолепен во всём, что делает.

Пальцы водят вниз, зажимая пульсирующее место, и каждый раз, как из меня вырывается стон, Вадим прикусывает мою нижнюю губу, возвращая в реальность.

Реальность...

Она кажется такой размытой, когда он настолько близко. Даже в голове не укладывается: я, он, моя кровать и...

Стоп.

Моя кровать. Мама. Мама за стенкой!

Замираю статуей, упираясь ладонями в его грудь. Вадим останавливается, но очень нехотя отрывается от терзания моих губ. Взгляд зелёных глаз расфокусирован, однако недовольства в нём нет. Скорее – принятие.

– Я не могу... – шепчу одними губами, перебегая из одного его зрачка в другой.

Вадик прикрывает глаза, слегка морщится, но всё равно вытаскивает руку и сползает с меня, усаживаясь ровно. Приподнимаюсь на локти, наблюдаю за его напряжённой спиной, за тем, как встаёт, поднимая с пола свою футболку, и натягивает обратно на себя.

Мне так стыдно... дико стыдно оттого, что позволила под-

вести нас к черте и за секунду “до” всё оборвала.

Сползаю с кровати, подхожу к нему ближе, цепляясь пальцами в крепкую руку и с мольбой, смотрю в его глаза.

– Прости, – голос срывается оттого, что мне хочется разрыдаться. – Прости, пожалуйста, я не подумала, что мама дома. Стены тонкие, она всё услышит.

“Если уже не слышала”, – подначивает внутренний голос.

– Всё нормально Динь-Динь, – спокойно отвечает, зачёсывая волосы пальцами назад. – Это ты меня прости, не сдержался.

Смотрит на меня с лёгкой улыбкой, но между бровей всё ещё виднеется складка. Я хочу сказать ему, чтобы он ушёл и одновременно молить его остаться. Но понимаю, что правильный выход только один.

– Я провожу тебя, – практически всхлипываю, однако на моё удивление Вадик просто кивает.

На скорую руку поправляю одежду, протираю руками места, на которых остались влажные следы от его губ и языка, а затем выхожу из комнаты.

Смотрю, как он обувается, а у самой сердце кровью обтекает. Как-то слишком больно и... неудобно. Что-то подсказывает мне, что после этого он точно мне больше не напишет...

– Доброй ночи, – выдёргивает из мыслей хриплый голос.

Поднимаю глаза на Вадима, моргаю пару, а затем давлю из себя улыбку. Готова поспорить, она выходит вымученной.

– Иди ко мне, – тянется рукой, шевеля пальцами, а когда подхожу, то закидывает её на моё плечо и притягивает ближе, оставляя на виске лёгкий поцелуй. – Доброй ночи, Динь-Динь.

– Доброй ночи, – рвано киваю.

Ещё один невесомый чмок в губы и его фигура теряется в темноте подъезда, а я так и остаюсь смотреть на закрытую дверь, упираясь в неё лбом.

– Всё нормально? – спустя время мама появляется в дверях своей спальни.

– Если бы, мам... – хриплю, не отрывая лоб. – Я всё испортила.

– Ну, если он ушёл отсюда живой, то не всё, – весело выдаёт, а затем я слышу, что она уходит к себе.

Ещё несколько минут подпираю дверное полотно, прежде чем уйти в комнату.

Ложусь на кровать, вдыхая полной грудью аромат Вадима, который, кажется, слишком плотно впитался в покрывало, а затем закутываюсь в него, укладываясь на бок и сжимаясь калачиком. Смотрю в одну точку на стене, прокручивая в голове весь вечер. Радость, веселье, его влюблённые глаза. От последних минут у меня и вовсе сводит каждую мышцу, а внизу живота закручивается плотный узел.

Какая же я дура...

Губы горят, кожа плавится от воспоминаний о нём. Мне хочется ещё и даже больше. И зачем я всё испортила?

Не замечаю, как из глаз текут слёзы. От злости на саму себя. От обиды на свою глупость. От ощущения, что я его потеряла.

И я так глубоко погружаюсь в собственные мучения, что вздрагиваю, когда телефон, лежащий на тумбочке, издаёт сигнал.

Тянусь, ожидая увидеть сообщения в чате группы или в нашем с девочками, но задерживаю дыхание, увидев сообщение от Вадима.

Вадим: Прости, что не сдержался. Я должен был подумать о том, что ты не готова.

Я: Тебе не за что извиняться.

Вадим: Нет. Есть за что. Я не хочу, чтобы ты думала, что мне нужно только одно. Ты нравишься мне. Очень сильно. И я просто хочу, чтобы ты знала: я готов ждать.

Дочитываю последнее слово, и с губ срывается всхлип. Я готова ещё тысячу раз повторить: он идеальный.

Глава 17. Метка территории

Лена

– Ты сделала – что? – глаза Оли лезут на лоб от удивления и даже лектор, который рассказывает нам пару, её не смущает.

– Не заставляй меня повторять это, – шиплю на неё. – Я и так от стыда сгораю!

– Так, ладно, допустим, я понимаю, почему ты его остановила, – шёпотом вклинивается Маша, делая короткую паузу, когда препод в пятый раз бросает на нас короткий осуждающий взгляд. – Но зачем ты вообще это начинала?

– Да не знаю я, – утыкаюсь лбом в сложенные на столе ладони. – У меня мозг в кашу превращается рядом с ним.

– Ну точно. Влюбилась, – хмыкает Оля.

Сегодня утром я сказала Вадиму, что поеду с Олей, а Оле, что поеду с Вадимом. В итоге мы с Машей ехали на автобусе. Я ничего не рассказывала до тех пор, пока мы не соберёмся все вместе, но сильно пожалела, что соврала: стоило подойти на парковку к Оле, как мы встретили там и Вадика. И оба смотрели на меня обиженно. Но вроде получилось увести всё в сторону.

– И напоследок, – чуть громче говорит преподаватель, привлекая всеобщее внимание: – Я задам вам задание, кото-

рое нужно выполнить до конца этого учебного года. Вас как раз двадцать пять человек: разделитесь на группы по пять и сделаете дизайн-проект. В него должны входить: дизайн помещения, роспись стен, расстановка мебели и несколько скульптур и, естественно, картины. Всё это я жду в графическом редакторе, а так же в живую величину, – на этих словах поднимается такая волна возмущения, что лектор морщится, давая нам несколько секунд, чтобы выпустить пар. – Но так как я понимаю, что образец размером два на полтора привезёт не каждый, то даю возможность предоставить его в виде фотографии и видео съёмки.

– Я с вами, – резко поворачивается Маша.

– Даже не обсуждается, – фыркает Оля.

– Щитенкова! – окликает меня кто-то с задних пар, а стоит повернуться, как я вижу Матвея и Славу – те самые два друга, кто изначально отнёсся ко мне хорошо. – Мы с тобой!

– Ну вот и отлично, – хлопает в ладоши Оля. – Нас пятеро.

– Елена Витальевна, – обращается ко мне Фёдор Владимирович. – К концу дня я жду на кафедре список из пяти групп, по пять имён в каждой.

Киваю, и ровно на этой секунде звенит звонок.

Всё резко, как тараканы разбегаются по стайкам, а мы с девочками просто сидит и ждём, когда ребята подойдут к нам. Я в это время вырываю двойной листок из тетради.

Матвей и Слава с улыбками приближаются, усаживаясь со стороны Маши, и оба, расплываются в улыбке. Вообще,

они мне дико напоминают двойняшек. Абсолютно разных, но при этом очень одинаковых. Матвей – темноволосый, зеленоглазый и нет, ни капли не похож на Вадима. А Слава – светлый, как солнышко, и с голубыми глазами, которые, кажется, всегда счастливые. Хорошие ребята.

– Ну что? Что будем делать и у кого? – весело бросает Матвей.

– Меня моя убьёт, если даже хотя бы несколько раз в неделю ко мне будут приходить три девушки, – поднимает руки Слава.

– У меня места мало, – тянет Маша.

– Как и у меня, – поддакивает Матвей.

Всё резко смотрим на Олю. Она хлопает ресницами так, что воздух ощутимо разгоняется.

– Не-а, не вариант, – мотает головой. – Я же вам говорила, девочки.

Мы с Машей понимающие киваем. Проходит секунда, другая и тут до меня доходит. Ну ещё до меня доходит, потому что четыре пары глаз смотрят теперь уже на меня.

– Чёрт... – выдыхаю.

И размашистым почерком пишу сверху на листе: группы на дизайн-проект. 111 группа, староста Щитенкова Е.В. И свой номер телефона.

Первой группой записываю нас пятерых, а там уже и остальные подтягиваются, называя фамилии. Пока всех записываю, придумываю, как объяснить маме квартиру в квар-

тире, да ещё и дороже нашей...

Уже, когда сидим в столовой, Оля косится на меня. Точнее, она косится на то, что я так и не притронулась к еде. Даже бутылка с водой всё ещё стоит не открытая. В то время как мой задумчивый взгляд направлен в стену за её спиной. Если быть совсем точной, то смотрю я чётко на вход в столовую. Не знаю, чего хочу больше, чтобы Вадим зашёл или чтобы он не заходил...

– Ну что? – не выдерживаю и перевожу глаза на Олю.

– Мне вот что интересно: он же никак не афишировал, что вы типа вместе? – беззлобно спрашивает.

Но я чувствую это как некий укол, в первую очередь – потому что она права.

Подойти, поговорить, легонько чмокнуть? Да, всё было. Но чтобы прям поцеловать... будто Вадим избегает меня в этом плане.

– Это ещё ничего не значит, – жмёт плечами Маша. – Может, он не делал этого, потому что Лена не показывала, что ей это нужно.

– О, ну так после того, как она его побрила, дело обернётся в другую сторону, да? – хмыкает Оля, чем снова бьёт в самую цель.

– Ты пессимистка, Оль, – качает головой Маша.

– Я реалистка, – парирует в ответ.

Молчу. Слышу их, но не собираюсь участвовать в этом батле тупо потому, что и так чувствую себя паршиво. Да, Ва-

дим сказал, что ничего страшного не случилось, но меня будто кто-то пинает, говоря, что я всё испортила. И даже его сообщения, не убедили меня в обратном, пусть и сняли кое-какой груз с плеч.

Девочки продолжают о чём-то разговаривать, даже спорить, периодически переходя на тон выше. А я смотрю... и в какой-то момент в проходе появляется моя причина отсутствия сна.

Сердце моментально разгоняется, перемещаясь в глотку. Особенно когда я вижу, что он рыскает глазами по пространству. И отчего-то мне хочется утечь под стол. Он так красив... непривычно в рубашке и тёмных штанах, будто с обложки сошёл, но при этом всё с тем же лёгким беспорядком на голове.

Наконец, два зелёных сканера натыкаются на меня. На его лице появляется широкая улыбка, и он ровным, слегка ленивым шагом идёт ко мне. Его друзья смотрят на это с едва заметными улыбками, а затем проходят дальше, занимая столик. Вадим же... выглядит так, будто столовая принадлежит ему. Да что там столовая... весь универ. Или весь мир. Кто-то смотрит на него с интересом, кто-то с воздыханием, а он... приковал своё внимание целиком и полностью ко мне.

– Привет, – говорит тихо, усаживаясь рядом. А затем коротко смотрит на девочек.

– Привет, – вторю, хотя – зачем? Сегодня ведь уже виделись.

– Какие планы после пар? – спрашивает, глядя только в мои глаза.

– Домой, – говорю очевидное.

– Проект, Лен, – с укором смотрит Оля.

– А, точно, – тру лоб. Боже, ну что за дура.

– А проект где? – с интересом бросает Вадик.

– У меня дома, но там будет много народа.

Вадим с каким-то странным огоньком смотрит в мои глаза, но затем кивает и снова расплывается в улыбке.

– Тогда вечером я хочу тебя украсть, – лукаво говорит, укладывая ладонь на моё лицо.

– Надолго? – готова верещать от восторга.

– Хотелось бы навсегда, но тогда мама Лариса вырвет мне сердце и съест его на обед, – усмехается.

– Да ну что ты! – фыркаю. – Сердце-то ей зачем? Она вырвет печень.

За столом поднимается лёгкая волна смеха, которая стихает, как только губы Вадима накрывают мои. Резко, властно, будто ставят печать или замок. И теперь, кажется, в радиусе метра проходит коллективный вздох. Или меня глючит?

– Заеду в семь, хорошо? – хрипит у моих губ, едва отрываясь.

Киваю, улыбаясь.

И снова поцелуй, после которого Вадим встаёт и уходит к друзьям.

– Я же говорила, – хмыкает Маша. – То, что она вчера

сама пошла к нему в руки, дало ему зелёный сигнал. Вот и метка территории подошла.

– И всё равно это странно, – отвечает тем же тоном Оля.

А я сижу, смотрю на его удаляющуюся спину и готова взорваться от счастья. Потому что и пусть это была “метка территории”, но она означает, что ему не всё равно. Что он настроен серьёзно и самое главное – я единственная, кто ему нужен.

Глава 18. Роковая ошибка

Вадим

– Это твоя роковая ошибка, – хмыкает Ян, пока мы идём по тротуару к парковке. – Мы же всё прекрасно знаем, позвать куда-то при подругах, автоматически приравнивает к отношениям.

– Ну, справедливости ради, могу заверить, что после этого она точно не даст отворот, – подсирает Марк, и они оба взрываются смехом.

О да, этот ржач я слушал сегодня всё утро после того, как рассказал, как проебался. Но ладно, тут сам придурок, надо было не торопиться, либо уже додавить до конца. И то, что я сделал в столовой – вынужденная мера. Так сказать, пряник после кнута.

– Ну теперь-то она думает, что у них отношения, так что по-любому расчехлится, – усмехается Сокол, а затем его рожка и вовсе растягивается в широкой улыбке. – Или нет, – кивает подбородком куда-то в сторону, и мы с Марком прослеживаемся взглядом, куда он указал.

Лена стоит у машины своей тёмненькой подружки, которая, как по мне, так слишком часто раскрывает свой рот и ей впору заткнуть его членом. Сама подружка сидит за рулём Ауди, вторая блондинка сидит на пассажирском впереди, а

вот рядом с Динь-Динь стоят два типочка. Оба выглядят так, будто их только из-под юбки выпустили с той разницей, что тот, который потемнее, не распускает руки, а вот блондинчик уложил свои на плечи Феечки.

– Часики тика-а-ают, – зловещим голосом тянет Ян.

– Ну всунет ей другой, и чё? – бросает Кондратов. – Это же не значит, что перед Вадиком она ноги не раздвинет.

– Ты настроен просрать бабки? – Сокол поворачивается к нему, скидывая бровь.

А я тем временем наблюдаю, отключаясь от их перепалки. Подмечаю, как Динь-Динь жмётся, очевидно, пытаюсь избавиться от этих прикосновений, как палит по сторонам, словно чувствует, что я смотрю, но откуда – не может понять. Считаваю по её поведению, насколько она доступна для других, и только когда он чуть отходит, а она протяжно выдыхает, понимаю – там уже всё всецело принадлежит мне.

Прекрасно. Это мне и нужно.

Взмахиваю рукой пацанам в знак прощания и двигаюсь в их сторону. И стоит подойти ближе, как карие глаза меня замечают, расширяясь.

О, так она думает, что я увидел и приревновал. Забавно.

– Вадик... – сама отлипает от машины и делает несколько быстрых шагов ко мне.

Раскрываю руки, чтобы Феечка нырнула в них. Прижимаю резко, словно бы меня действительно беспокоил факт нахождения рядом с ней других парней. В целом – поебать.

Пока они не мешают моему плану.

– Что-то случилось? Ты как? – спрашиваю нервно, но при этом заинтересовано.

– Нет, всё нормально, – бормочет в мою грудную клетку. – Это мои одноклассники, мы в пятницу едем ко мне по проекту.

– Ага, помню, – отбиваю, кивая, а затем слегка отстраняю её, чтобы посмотреть в глаза.

А там... фак она реально испугалась, что я ревную. Бедняжка. Аж улыбка на лице рисуется автоматически, которую Динь-Динь воспринимает по-своему.

– Ты не злишься? Всё нормально? – спрашивает, перебегая глазами из одного моего зрачка в другой.

Но вместо ответа я обнимаю её лицо ладонями и наклоняясь целую в губы. Крепко, настраивая под себя и без того сбившееся дыхание, а когда отстраняюсь, едва ощутимо провожу языком по губам. На которых, к счастью, нет ни помады, ни раздражающего блеска.

Розовые щёки заливаются жаром, становясь алыми, а ресницы трепещут так, словно Феечка на взлёт собралась.

– До вечера, – хриплю с улыбкой, и она в ответ кивает, и сама тянется, чтобы слегка чмокнуть меня в щеку.

Разворачиваюсь, направляясь к Порше, улавливая боковым зрением, как из кружака мне машет Сокол с улыбкой от уха до уха. Усмехаюсь, потому что знаю, что означает лыба этого долбана и просто сажусь в тачку, уезжая домой.

Из предков дома только отец, что само по себе редкость, а потому я даже торможу напротив гостиной, когда вижу его.

– Добрейшего денёчка, Михаил Антонович, – усмехаюсь, облакачиваясь о косяк двери.

– Пары закончились? – вскидывает на меня взгляд поверх прозрачных очков и отрываясь от каких-то бумаг на своих коленях.

Его зелёные глаза проходят по мне словно сканер. Сразу видно – биг босс, да ещё и военный в прошлом. На многих такой его взгляд действует как успокоительное, для меня же – цирк да и только.

– Как видишь. А ты чего дома? – вскидываю бровь.

– Мне тебе отчитываться надо? – повторяет мой жест.

– Спасибо, увольте, – усмехаюсь и отталкиваясь прусь на второй этаж.

Как только дверь комнаты закрывается, телефон в моём кармане оживает.

Динь-Динь: Мне надеть что-то потеплее? Что ты задумал на вечер?

Читаю безэмоционально, но отвечаю с эмодзи сердца.

Я: Хоть в домашнем, мы будем в машине.

Динь-динь: Я же пойму буквально и пойду в тех шортах...

Уголок губ вздрагивает. Она думает об этом. Отлично. Это лучше, чем если бы Феечка теперь избегала этой темы. Намного лучше. Главное – не поспешить в этот раз.

Я: Тогда я сниму их с тебя зубами прямо в салоне. Ты же

этого не хочешь?

Динь-Динь: Не могу сказать наверняка...

Усмехаюсь, качая головой. Как-то слишком быстро всё получилось. Получается, либо девчонка так быстро влюбилась, либо все же гормоны играют только в путь.

Склоняюсь к обоим вариантам и отчасти мне её даже жаль. Восемнадцать лет, а ещё даже никто не трахал как следует. И как не следует – тоже. Представляю, что с ней произойдёт, если ей показать член.

О...

Нет, я не собираюсь отправлять Дик пик, но кое-что всё же могу.

Скидываю рубашку, делаю одну-единственную фотку в зеркало, что стоит недалеко от кровати и сразу отправляю Феечке. Ей будет полезно поработать пальчиками.

Читает она сразу, а вот с ответом тянет. Видимо, думает, что написать, потому что три точки вверху экрана бегают минут пять, наверное.

Динь-Динь: Я же не одна!

Я: Я же выше пояса прислал, а не ниже.

Отвечаю и следом ржущие смайлы.

Динь-Динь: Это не важно. Ты всё равно заставил меня смущаться, и я уверена, что это заметили все.

Скалюсь, будто она видит меня, но жду.

Динь-Динь: Я сохранила.

Да, детка. Это победа...

Глава 19. Все сама увидишь

Лена

Я не могу с собой ничего сделать. Просто как дура каждые две секунды заглядываю в телефон и краснею от пальцев ног, до кончиков ушей. А ещё... внизу живота собирается очень тёплое, почти горячее и определённо болючее чувство. Оно простреливает туда, где ещё вчера были руки Вадика, и мне становится совсем неудобно, особенно когда вспоминаю, что помимо меня в комнате ещё четыре человека.

Всё обсуждение проекта я, конечно же, пропускаю мимо ушей. И если девочки, замечая это, реагируют в своей манере, то парни явно не понимают в чём дело. Но как-то всё равно: я просто отсчитываю секунды.

Один... два... три...

Смотрю в телефон.

Закрываю.

И по новой.

Когда в проекте приходят к чему-то общему, меня просто толкают в бок и ставят перед фактом “роспись стен акварелью на тебе”. Киваю. И только теперь начинаю слушать.

– Тогда решено, – хлопает в ладоши Слава. – Я возьму скульптуру и общую планировку, на Матвее, как на специалисте по маслу картины, Лена – роспись.

– Ага, на мне дизайн, на Маше мебель, – кивает Оля, поправляя футболку. – Из чего будем делать-то?

– Картон? – бросает Маша.

– Развалится, – одновременно со Славой отвечаем, а затем, как чокнутые начинаем хихикать.

– ПВХ и акриловое стекло, – предлагает Матвей.

– Отлично, правда останемся с голой жопой, – грустно заключает Маша, из-за чего я напрягаюсь.

– Да ладно, не обязательно же всё в один день закупать. Ещё полгода впереди, – отмахивается Матвей. – Так, ладно, мне пора, – внезапно вскакивает с кресла, глядя на которое я тут же вспоминаю Вадима и опять вспыхиваю.

Чёрт... есть хоть что-то, что не будет потрошить меня настолько?

– Да, засиделись, – кивает Маша. – Шесть уже.

– Подвезти? – спрашивает Слава.

– Меня нет, я за углом живу, – ухмыляется Матвей и идёт к выходу.

– Да я и не у тебя спрашивал, – фыркает блондин.

– Оль, ты как? – Маша бросает взгляд на нашу подругу.

– Да, норм, могу ещё отлучиться, – отвечает она, но не слишком уверено.

Мы с Машей косимся на неё, прекрасно осознавая, что её "могу" означает, что нифига не может и практически одновременно говорим:

– Слава увезёт.

Когда одноклассники шумной толпой вываливаются в подъезд, меня вдруг осеняет. Шесть. Через час приедет Вадим!

И я как ужаленная начинаю бегать по квартире, собираюсь, начиная с душа. Благо мама на работе и не видит этот хаос, что происходит в первую очередь на моём лице.

Стою в дверях, когда на часах шесть сорок семь. В тепле, обычных спортивных штанах и с влажными волосами, которые собрала в пучок. В руках джинсовка, которая стала варенкой оттого, как сильно и часто я её то сжимаю, то разжимаю.

Кидаю ещё раз взгляд в зеркало, киваю. Чисто, свежо, немного откровенно, но в целом нет ощущения, что я полчаса выбирала, что надеть.

Телефон в моих руках трезвонит так резко, что я даже вздрагиваю, хотя всем нутром ждала этого сообщения.

Вадим: Динь-Динь, я приехал.

Подхватываю ключи с ключницы и вылетаю на улицу, на всех порах, даже забыв накинуть куртку, но я отчего-то не чувствую осеннего ветра.

Порше стоит прямо напротив подъезда, так что я открываю сначала заднюю дверь, закидывая туда шмотки, а затем ныряю на переднее пассажирское.

– Привет, – улыбаюсь, говоря тихо.

– Привет, – хрипит в ответ, задерживаясь взглядом на моём тепле. – Ты специально?

– Что? – притворно удивляюсь, но вкладываю в это всё своё умение.

Однако судя по улыбке Вадика, он не поверил мне. Вообще. Ни капли.

Придвигается ближе, оставляя на моих губах лёгкий поцелуй, и после этого, возвращается в первичное положение. Я даже вздыхаю разочарованно, потому что жду чего-то очень грандиозного.

Вадим выруливает на дорогу, смотря чётко на неё, а я залипаю на нём. Не могу объяснить, почему мне каждый раз хочется его рассматривать с головы до ног. Словно он самое прекрасное, что я, когда-либо видела.

Только вот теперь, глядя на него в белой футболке, на его открытые руки и опуская взгляд ниже – я вижу открытый торс, с чёткими кубиками пресса и слишком красивыми косыми мышцами, которые очень заманчиво уходят под штаны.

В голове мелькает мысль, что я хотела бы... нарисовать первую в своей жизни натуру. С него. Но вряд ли я смогу произнести это вслух.

Мы едем молча. Сначала мне кажется, что мы просто катаемся, но затем машина останавливается возле всё той же кофейни, и Вадик, подмигивая, выходит, возвращаясь через несколько минут с двумя чашками.

– Мы снова поедem на то же место? – спрашиваю, как только он садится, уже готовая хлопать в ладоши от восторга, по-

тому что для меня оно стало особенным.

Очень чистым и красивым, но не только как картинка, а как... знак. И я не могу отделаться от ощущения, будто теперь это наше место.

– Если хочешь, – мягко улыбается, приподнимая уголок губ вверх и вставляя стаканы в подстаканники. – Но я хотел показать другое место.

– Там красиво?

– Спокойно, я бы сказал, – хмыкает, переключая скорость.

– Кладбище? – реально настораживаюсь.

– Ну конечно, я ведь из тех людей, кто любит такие места. По мне не видно?

– А я сразу поняла, что с тобой что-то не так, – тихо посмеиваюсь, наблюдая его косой взгляд и хищный оскал.

– Да-да, всё очевидное на поверхности, – подхватывает мой смех.

Через какое-то время мы выезжаем за черту города, но я абсолютно спокойна. Наблюдаю за фонарями, что часто мелькают, сквозь плотно тонированное окно, улавливаю движения Вадима, каждый раз, как он тянется к стерео, чтобы переключить песню или добавить звук на сенсорной панели. Не могу перестать залипать на том, как он держит руль одной рукой и насколько уверенно ведёт машину. Отчего-то кажется, что он настолько же уверенный во всём остальном.

Спустя десятки километров мы сворачиваем с трассы на просёлочную дорогу, но в посёлок не заезжаем, минуя его.

Ещё через пару поворотов машина съезжает на полевую, а через несколько минут мы и вовсе едем по лесу.

– Ты выводишь меня в лес? – хихикаю.

– О, поверь, для таких делишек, тебя, – делает акцент на этом слове, – я бы в лес не повёз.

– И где мы? – перевожу тему, краснея, как помидор, стоит только представить подробности.

А у меня – художника – как назло, хорошее воображение!

– Рядом с посёлком, где я живу, – отвечает спокойным голосом, укладывая одну руку на моё бедро. – Тут недалеко есть озеро. А дальше... всё увидишь сама.

Моё дыхание замедляется в такт его словам, а сердце улетает в стратосферу, когда его пальцы едва ощутимо сжимают моё бедро. И вдруг понимаю: с ним я готова ехать хоть на край земли, лишь бы вечность слышать этот убаюкивающий тон и чувствовать – пусть и невесомые – касания.

Глава 20. Едет крыша

Лена

Я даже не знаю, сколько времени прошло, когда мы остановились, потому что всё моё внимание было сосредоточено на крепких пальцах на моём бедре.

Но как только вглядываюсь в место, где мы находимся, охаю, не в силах сдержать восторг.

Мы стоим на поляне, а перед нами на вид глубокое озеро, которое в данный момент освещает только тусклая луна и свет от фар. Кажется, что совсем темно, но как только Вадик тушит свет, становится... прекрасно. Потому что на этой самой поляне, в густой траве виднеются совсем маленькие огоньки.

– Это светлячки? – распахиваю глаза, переводя их на Вадима.

– Ага, – улыбается едва заметно. – Сам в шоке, но именно в этом месте их больше всего осенью.

– Я думала они летние, – тяну, заворожённо переводя взгляд обратно на природу.

Вадим молчит, видимо, чтобы дать мне осознать, в какое место привёз. А я... Меня переполняют эмоции настолько, что в носу начинает нещадно щипать.

– Надо было сказать, я бы взяла блокнот, – скрипящим

голосом произношу, жалея, что не могу это нарисовать.

– Поверь, тебе это запомнится настолько, что ты ещё нарисуешь это по памяти, – говорит тихо, а затем выходит из машины.

Не знаю, зачем выходит он, но мне становится дико любопытно, и я следую за ним. Обхожу авто, вставая перед капотом, и наблюдаю, как Вадик рыщет в густых зарослях несколько минут, а затем выходит из них с палкой. Мощной палкой.

– Будешь меня бить? – посмеиваюсь.

– У тебя сегодня особое настроение? Ты чё из меня изверга делаешь-то? – фыркает. – То кладбище, то лес, теперь вот – палка.

Подходит ближе, качая головой, при этом не переставая улыбаться. Встаёт рядом, закидывая одну руку мне на плечо. Моментально плавлюсь от его касаний к голой коже и только ещё плотнее утекаю под жаркое крыло.

– Готова? – спрашивает, глядя на меня.

И хотя в темноте плохо видно его лицо, я почему-то уверена, что там настолько нежный взгляд, насколько умеет только он.

Киваю. Не знаю, к чему мне нужно быть готовой, но, кажется, с ним я согласна на всё.

Вадим отворачивается, и я повторяю его движение, а затем он кидает палку на поляну. Секунда и ввысь поднимается плотная штора жёлто-зелёных огоньков, и несмотря на то,

что они маленькие – шум стоит, будто занавес опускают.

Перестаю дышать, глядя на эту картину и на то, как они разлетаются в разные стороны. Мир замирает. Есть только эта красота перед глазами, тёплая рука на плече и чувство, будто я сама счастливая на всей планете. Сердце колотится как бешеное, норовя пробить рёбра. А я даже пошевелиться не могу. Да и не хочу особо. Присутствует только одно желание: чтобы этот вечер так и остался на “стоп”.

И да, Вадим прав: я запомню это. Даже если очень сильно захочу забыть, эта картина всё равно будет стоять у меня перед глазами.

Не знаю, как объяснить, что я чувствую, глядя на, теперь уже, редкие огоньки. Это даже счастьем не назовёшь. Наверное... эйфория.

– Это... невероятно красиво, – поперёк горла встаёт ком, который мешает мне говорить, но я всё равно выталкиваю из себя слова, потому что, кажется – не сделай я этого, и меня разорвёт.

– Знаешь, что действительно красиво? – хриплый шёпот обжигает ухо, и я поворачиваюсь, с удивлением наблюдая, что Вадик всё это время смотрел на меня.

– Что? – шепчу в его губы.

– Ты, – отвечает коротко и накрывает мой рот своим.

Нежно. Сразу наполняет собой, своим вкусом и своей аурой.

Только сейчас я понимаю, насколько же разные его поце-

луи и касания, когда мы в универе перед кучей людей и когда мы вдвоём. Я не думаю, что он стесняется меня, нет. Но Вадим поистине сдерживает свои чувства, когда рядом кто-то есть. И вот эти моменты, когда для него не существует никого кроме меня – бесценны. И они кажутся единственно верным, что может происходить в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.